

УЧЕБНИКИ
И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

**ПОЛНЫЙ КУРС
УГОЛОВНОГО
ПРАВА**

Том IV

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Учебники и учебные пособия (Юридический Центр Пресс)

Коллектив авторов

**Полный курс уголовного права.
Том IV. Преступления против
общественной безопасности**

«Юридический центр»

2008

ББК 67.408

Коллектив авторов

Полный курс уголовного права. Том IV. Преступления против общественной безопасности / Коллектив авторов — «Юридический центр», 2008 — (Учебники и учебные пособия (Юридический Центр Пресс))

ISBN 978-5-94201-542-8

Курс подготовлен известными российскими учеными в области уголовного права. В IV томе рассматриваются понятие, система и виды преступлений против общественной безопасности, общественного порядка, здоровья населения и общественной нравственности, экологические, транспортные преступления, преступления в сфере компьютерной информации, анализируются особенности их квалификации, исследуются приемы и способы отграничения от смежных составов. Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов, работников правоохранительных органов и судов.

ББК 67.408

ISBN 978-5-94201-542-8

© Коллектив авторов, 2008
© Юридический центр, 2008

Содержание

Глава I	6
§ 1. Понятие, система и общая характеристика преступлений против общественной безопасности и общественного порядка	6
Глава II	17
§ 1. История уголовного законодательства России об ответственности за преступления, посягающие на общественную безопасность	17
§ 2. Понятие, система и общая характеристика преступлений против общественной безопасности	24
§ 3. Преступления против общей безопасности	29
А. Террористический акт (ст. 205 УК)	29
Б. Содействие террористической деятельности (ст. 2051 УК)	40
В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 2052 УК)	43
Г. Захват заложника (ст. 206 УК)	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Полный курс уголовного права. Том IV. Преступления против общественной безопасности

© Коллектив авторов, 2008

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008

* * *

Глава I

Преступления против общественной безопасности и общественного порядка

§ 1. Понятие, система и общая характеристика преступлений против общественной безопасности и общественного порядка

Раздел о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка как самостоятельное структурное подразделение в Уголовном кодексе Российской Федерации выделяется впервые. Данное обстоятельство еще раз подчеркивает необходимость определения понятия и содержания общественной безопасности и общественного порядка как родового объекта этой группы преступлений.

Термин «безопасность» давно используется в учебной литературе и доктрине уголовного права (государственная безопасность, общественная безопасность, безопасность личности, экологическая безопасность, безопасность движения и т. д.). В последние годы в законодательстве получил свое закрепление и термин «национальная безопасность». Под национальной безопасностью России понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в государстве. Согласно Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в редакции от 10 января 2000 г.), она представляет собой систему взглядов на обеспечение в России безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. Мнение о том, что безопасность личности, общественная безопасность и государственная безопасность являются видовыми составляющими национальной безопасности, поддерживается и социологами, и политологами и юристами.

На законодательном уровне понятие «общественная безопасность» впервые было использовано в УК РСФСР 1922 г., в котором глава 8 Особенной части именовалась «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок». Однако само понятие безопасности было раскрыто лишь в Законе РСФСР от 18 марта 1992 г. «О безопасности». Согласно ст. 1 данного Закона безопасность есть состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Данное определение основывается на лингвистическом представлении о том, что безопасность есть «отсутствие опасности; сохранность, надежность»¹ или «положение, при котором не угрожает опасность кому-, чему-нибудь»². В этом определении законодатель акцентирует внимание на том, что безопасность, во-первых, выступает в качестве определенного социального явления и, во-вторых, является существенно важным социальным благом.

Как правовое явление и объект уголовно-правовой охраны общественная безопасность стала предметом серьезных научных исследований сравнительно недавно, и поэтому в юридической литературе относительно объема и содержания данного понятия существуют различ-

¹ См.: СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.

² См.: Возжеников А. В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России. М., 2000. С. 88; Гыскэ А. В. Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества. М., 2000. С. 28; Тер-Акопов А. А. Безопасность человека. Социальные и правовые основы. М., 2005. С. 11–12.

ные точки зрения. До недавних пор большинство авторов связывало понятие общественной безопасности либо с нарушением правил взаимодействия людей с техническими системами, либо с нарушением правил обращения с общепасными предметами. Так, Г. А. Туманов и В. И. Фризко пишут: «В юридическом смысле общественная безопасность представляет собой совокупность опосредованных источниками повышенной опасности отношений, регулируемых юридическими, техническими и организационными нормами, с целью предотвращения и устранения угрозы жизни и здоровью людей, материальным ценностям и окружающей среде»³. При таком подходе на первый план выдвигается «технический» характер общественной безопасности, но собственно содержательная сторона ее зачастую остается вне поля зрения и исследователей, и правоприменителей.

Однако в специальной литературе высказывались и другие точки зрения. Например, по мнению В. П. Тихого, общественная безопасность как объект преступлений представляет собой определенную сферу общественных отношений, обеспечивающих предотвращение и устранение общей опасности насильственного причинения вреда правоохраняемым интересам в целом, гарантирующих тем самым их устойчивость и надежность⁴. По мнению авторского коллектива курса, подготовленного в ИГП РАН, общественная безопасность представляет собой упорядоченное состояние общественных отношений, обеспечивающее защищенность надлежащих условий жизнедеятельности всех людей, функционирование социальных институтов, общественного порядка, личных, общественных и государственных интересов в процессе выполнения специальных работ и обращения с общепасными устройствами, предметами и веществами⁵. По мнению авторского коллектива одного из учебников по уголовному праву, понятием общественной безопасности обозначается состояние защищенности личности, общества и государства преимущественно от разнообразных внутренних угроз общепасного характера⁶. Полагаем, что отождествление общественной безопасности и национальной безопасности, несмотря на определенную близость и схожесть этих понятий, необоснованно, поскольку первая является лишь составной частью второй, о чем уже говорилось выше.

Общественная безопасность представляет собой определенную совокупность общественных отношений, регулирующих безопасные условия жизни общества. В этом смысле она является не только одной из потребностей общества, но и общим благом, общей ценностью, в сохранении и развитии которой заинтересовано и государство, и общество, и граждане. Обеспечение общественной безопасности является необходимой гарантией создания в обществе таких социальных условий, при которых человек, его физические и духовные блага становятся действительно высшей социальной ценностью, а сам он может чувствовать себя социально защищенным. Социальная функция общественной безопасности выражается в том, что, отражаясь в общественной психологии, общественном сознании, она ассоциируется с определенным уровнем уверенности граждан в защищенности общества в целом и конкретного гражданина от общественно опасных посягательств, неприкосновенности основных социальных благ общества. Чем больше реальные усилия общества и государства по обеспечению системы общественной безопасности, тем более уверенно чувствуют себя граждане в процессе вступления в различные социальные связи.

Система обеспечения общественной безопасности представляет собой совокупность мер политического, правового, экономического, организационного, научно-технического и иного характера, имеющих основной задачей поддержание социально приемлемого уровня общественной безопасности.

³ Туманов Г. А... Фризко В. И. Общественная безопасность и ее обеспечение в экстремальных условиях // Сов. государство и право. 1989. № 8. С. 20.

⁴ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978. С. 67.

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 38.

⁶ См.: Уголовное право России. Часть Особенная. М., 1999. С. 389.

Структурно система безопасности общества включает в себя:

а) разработанную доктрину безопасности, которая выступает как определенная идеология, способная объединить общество и, одновременно, как программа действий;

б) правовую основу, т. е. систему законов и иных правовых норм, позволяющих защищать интересы общества и составляющих его элементов (людей, социальных групп, политических и общественных объединений, общественного сознания и т. д.);

в) систему государственных органов, обеспечивающих безопасность общества;

г) общественную систему безопасности, включающую в себя совокупность неправительственных, общественных, самодетельных институтов и организаций, которая базируется на активности населения и способности общества противостоять угрозам и опасностям для него;

д) корректную, основанную на демократических принципах систему средств и методов обеспечения безопасности.

В уголовном праве система обеспечения общественной безопасности носит нормативный характер и включает в себя правовые, технологические и организационные нормы, а также специальные правила безопасности.

Содержание общественной безопасности нельзя сводить только к соблюдению различных правил по производству специальных работ и обращению с общепасными предметами. Такой подход необоснованно ограничивает пределы общественной безопасности лишь сферой локальной или профессиональной деятельности, а ее содержание сводит к специальной безопасности. Источником опасности для общества могут выступать не только опасные производства и опасные предметы, но и собственные опасные формы поведения людей, особенно когда они находят выражение в насильственных формах поведения. Если такой социальный источник направлен на тот же объект, что и «технический» источник, обладает такой же разрушительной силой и способен причинить такие же последствия, то данные факторы нельзя игнорировать при правовой оценке содеянного. В ряде случаев отдельные опасные формы поведения людей необходимо расценивать как угрожающие безопасности общества.

Какие же отношения охватываются понятием общественной безопасности? Совершение преступлений, посягающих на общественную безопасность, будь то транспортные, экологические или собственно преступления против общественной безопасности, неразрывно связано с причинением физического, материального, организационного либо иного вреда гражданам, собственности, деятельности социальных институтов, окружающей природной среде. Вместе с тем данное утверждение отнюдь не означает, что при совершении этих преступлений обязательно должен причиняться весь спектр указанного вреда и всем указанным благам. В конкретных случаях ущерб может носить или материальный, или только физический, или организационный, либо комбинированный характер, а причиняться он будет не всем, а лишь некоторым социальным благам.

Характеристика общественной безопасности как «комплексного» объекта, включающего в себя определенные элементы, означает, что он должен аккумулировать в себе всю совокупность общественных отношений, обеспечивающих охрану жизни и здоровья граждан, материальных ценностей, окружающей природной среды. Иной вывод означал бы лишение отношений общественной безопасности их содержательной стороны. К тому же без причинения вреда названным ценностям не может быть нарушения общественной безопасности как социального блага, выступающего в качестве предмета соответствующих отношений. Отсюда следует вывод, что причинение физического, материального или иного вреда при совершении преступлений против общественной безопасности охватывается понятием нарушения общественной безопасности и, следовательно, не требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям УК. Исключением в этом плане является лишь умышленное причинение смерти, которое требует самостоятельной оценки.

Без нападения не может быть бандитизма, без насилия не может быть захвата заложника, без причинения тяжкого вреда здоровью не может быть нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта и т. д. Если соответствующие последствия не наступают или отсутствует угроза их наступления, то такие деяния нельзя рассматривать как преступления против общественной безопасности, а в некоторых случаях и вообще как преступления. Преступления против общественной безопасности причиняют вред (или ставят под угрозу причинения вреда) неопределенному кругу лиц, материальных объектов, деятельности социальных институтов, поэтому в целом отношения общественной безопасности как объекту посягательства ущерб причиняется всегда, вне зависимости от конкретных форм его проявления (материальный, физический, организационный). Вот почему совершенно справедливым является вывод, сделанный А. И. Коробеевым применительно к объекту транспортных преступлений (общественные отношения в сфере безопасного функционирования транспорта), об ошибочном представлении о существовании дополнительных объектов транспортных преступлений⁷. По нашему мнению, с полным основанием такой же вывод можно сделать и применительно ко всем преступлениям против общественной безопасности.

Общественная безопасность как составная часть родового объекта посягательств, предусмотренных разделом IX УК «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» (общественная безопасность в широком смысле слова), характеризуется состоянием защищенности безопасных условий функционирования общества и общественного порядка, здоровья населения и общественной нравственности, экологической безопасности, безопасности функционирования транспортных средств и безопасности компьютерной информации. Общественная безопасность в узком смысле слова, как видовой объект посягательств, предусмотренных главой 24 УК «Преступления против общественной безопасности», выражается в состоянии защищенности жизни и здоровья граждан, имущественных интересов физических и юридических лиц, общественного спокойствия, нормальной деятельности государственных и общественных институтов.

Наряду с обеспечением состояния защищенности (отсутствие опасности) основных благ общества от угроз и источников опасности, безопасность характеризуется и другими функциями, отражающими ее активный характер. В этом смысле в литературе справедливо отмечаются такие важнейшие свойства и функции безопасности, как снижение, ослабление, устранение и предупреждение опасности и угрозы⁸. Поэтому, говоря о безопасности того или иного элемента, мы имеем в виду не только защищенность данного элемента от источников опасности, но и предупреждение и устранение опасности для него, а также поддержание такого уровня его защищенности, который является достаточным для нормального функционирования соответствующего элемента.

Активная роль общественной безопасности находит свое выражение в функции предотвращения, устранения угрозы жизни и здоровью людей, материальным ценностям, окружающей среде и деятельности различных институтов, общества и государства от общественно опасных форм поведения человека, а также в поддержании такого уровня защищенности указанных благ, который является достаточным для выполнения людьми и обществом своих социальных функций.

Таким образом, суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что *общественная безопасность* представляет собой определенную совокупность общественных отношений, не только регулирующих безопасные условия жизни общества, но и поддерживающих такой

⁷ См.: Тихий В. П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности. Харьков, 1981. С. 25.

⁸ См.: Курс уголовного права. Особенная часть. М., 2002. С. 507.

уровень защищенности общества, который является достаточным для его нормального функционирования.

Вторым составляющим родового объекта раздела IX УК РФ является общественный порядок. В уголовном законодательстве термин «общественный порядок» впервые был закреплен в УК РСФСР 1960 г., глава 10 которого именовалась «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». В УК РСФСР 1926 г. глава 8 носила название «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок», а в УК РСФСР 1922 г. глава 8 была названа «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок». В науке уголовного права не сложилось устоявшегося мнения о понятии общественного порядка. Р. А. Базаров и А. В. Рагулин понимают под общественным порядком систему общественных отношений между людьми, установленную действующим законодательством, обычаями, традициями и нравственными нормами, обеспечивающую общественное спокойствие, нормальные условия труда, отдыха и быта граждан, а также работу учреждений, предприятий и организаций⁹. При всей сложности и высокой степени оценочности соответствующего понятия, на наш взгляд, наиболее оптимальная дефиниция общественного порядка была сформулирована И. Н. Даньшиным. В своей работе он определял *общественный порядок* как систему общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм права, направленных на поддержание общественного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения¹⁰.

В разделе IX Особенной части УК предусмотрен широкий круг деяний, которые существенно отличаются друг от друга по своим объективным и субъективным признакам. Вместе с тем эти деяния имеют *общее свойство* – они обладают способностью причинять весьма тяжкий вред здоровью граждан, собственности, нарушать и дезорганизовывать деятельность государственных и общественных институтов. Специфической особенностью данных преступлений является то, что они посягают на интересы общества в целом как единого социального организма, которое, наряду с личностью и государством, является одной из важнейших социальных ценностей, подлежащих всесторонней, и в том числе усиленной, уголовно-правовой охране. В отличие от ранее действовавшего уголовного законодательства в системе УК данная группа преступлений помещена на третье место после преступлений против личности и преступлений в сфере экономики, что свидетельствует об усилении внимания к проблемам обеспечения безопасности граждан и нормального функционирования общества и государства, повышения значимости этих ценностей в общей системе правоохраняемых объектов на современном этапе.

Высокая степень социальной опасности преступлений против общественной безопасности обуславливается, прежде всего, внутренними свойствами этих преступлений. Они нарушают функциональную предназначенность общественной безопасности, для которой характерными и существенными являются следующие признаки. Во-первых, обеспечение безопасности неопределенно широкого круга правоохраняемых интересов (личности, имущества, деятельности социальных институтов и т. д.). Во-вторых, обеспечение неприкосновенности жизни и здоровья неопределенно широкого круга лиц. В-третьих, наряду с общественной безопасностью, одновременное обеспечение охраны и других социальных благ. Так, устанавливая ответственность за террористический акт, законодатель обеспечивает охрану не только общественной безопасности как самостоятельного социального блага, но и жизни и здоровья людей, имущества. Таким образом, можно сказать, что общественная безопасность обладает свойством «комплексного» объекта уголовно-правовой охраны. Поэтому вышеизложенные харак-

⁹ См.: Коробеев А. И. Транспортные преступления. СПб., 2003. С. 69–71.

¹⁰ См.: Базаров Р. А., Рагулин А. В. Уголовно-правовая характеристика хулиганства. Ижевск, 2005. С. 49.

терные свойства преступлений против общественной безопасности позволяют отграничивать их от преступлений против личности (убийств, причинения вреда здоровью и т. п.), собственности (хищений, уничтожения или повреждения имущества), порядка управления и т. д. Если в статьях о преступлениях против личности и собственности защищаются интересы пусть индивидуально не определенной, но все-таки конкретной личности или организации, то нормы о преступлениях против общественной безопасности имеют своей целью защиту безопасных условий жизнедеятельности общества в целом.

Характерной чертой механизма совершения преступлений против общественной безопасности является то, что такие социальные ценности общества, как жизнь, здоровье, права и свободы личности, собственность и т. п., нарушаются *опосредованно*, путем причинения вреда отношениям, регламентирующим безопасные условия общества. Однако от этого данные преступления не становятся менее опасными, чем, например, преступления против личности или собственности. Поскольку здесь «комплексное» преступление и вред причиняется интересам не конкретной личности, а общественно значимым интересам – безопасным условиям общества в целом, постольку законодатель устанавливает достаточно суровые санкции за совершение преступлений против безопасности общества.

С *объективной стороны* преступления против общественной безопасности и общественного порядка большей частью совершаются путем *активных действий*: террористический акт, бандитизм, хулиганство, незаконное изготовление оружия, вовлечение в занятие проституцией, неправомерный доступ к компьютерной информации и т. д. Некоторые преступления могут совершаться только в форме *бездействия*: небрежное хранение огнестрельного оружия, неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие. Наконец, имеются и такие преступления (в основном это деяния, связанные с нарушением каких-либо правил), которые могут совершаться как путем действия, так и путем бездействия: нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей, нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети и т. д.

В ряде случаев рассматриваемые преступления характеризуются *общеопасным способом* совершения преступления, например, взрывы при терроризме, нападения при бандитизме, погромы при массовых беспорядках, либо нарушением *специальных правил безопасности*: правил пожарной безопасности, безопасности движения транспортных средств, правил обращения с общеопасными предметами (оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, радиоактивными веществами, наркотическими средствами или психотропными веществами и т. п.).

Специфика объекта посягательства определяет и специфику характера общественно опасных *последствий*, которые наступают в результате совершения преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. В результате посягательств на общественную безопасность вред причиняется широкому (не определенному ни количественно, ни индивидуально) кругу общественных интересов, он может быть многовариантным и различным по характеру: физический вред личности (при этом в качестве потерпевших может выступать неопределенно большое число членов общества, по тем или иным причинам оказавшихся в месте и во время совершения преступления), имущественный ущерб, нарушение общественного спокойствия, дезорганизация нормальной деятельности социальных институтов, загрязнение окружающей природной среды и т. д.

По законодательной конструкции значительная часть рассматриваемых преступлений сформулирована как преступления с *формальным* составом: захват заложника, пиратство, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, нарушение правил международных полетов, создание, использование и распростра-

нение вредоносных программ для ЭВМ и др. В тех случаях, когда деяния совершаются путем нарушения каких-либо правил специальной безопасности либо посягают на окружающую природную среду, преступления в законе, как правило, формулируются по типу *материальных* составов, например, нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, нарушение санитарно-эпидемиологических правил, загрязнение атмосферы и т. д.

С *субъективной стороны* рассматриваемые преступления характеризуются как умышленной, так и неосторожной формой вины. Подавляющее большинство преступлений, предусмотренных главами 24, 25 и 26 УК, совершаются только умышленно; большинству преступлений, связанных с нарушением правил специальной безопасности, и транспортным преступлениям, наоборот, свойственна неосторожная форма вины. В ряде составов преступлений против общей безопасности (ст. 205, 206, 209, 210, 211, 227 УК) обязательным признаком является наличие специальной цели, которой руководствуются виновные лица.

Субъекты рассматриваемых преступлений – большей частью общие, т. е. вменяемые лица, достигшие 16-летнего возраста. Вместе с тем за некоторые преступления к уголовной ответственности могут привлекаться и лица по достижении 14 лет (ст. 205, 206, 207, ч. 2 и 3 ст. 213, 214, 226, 229, 267 УК). При совершении некоторых преступлений (ст. 219, 225, ч. 5 ст. 228, ст. 237 УК и др.) для привлечения к ответственности необходимо, чтобы субъект помимо общих признаков обладал и определенными специальными качествами.

Таким образом, *преступления против общественной безопасности и общественного порядка можно определить как предусмотренные Уголовным кодексом умышленные или неосторожные общественно опасные деяния (действия или бездействие), причиняющие существенный вред безопасным условиям жизни общества, здоровью населения и общественной нравственности, окружающей природной среде, безопасности транспортной деятельности, сохранности и неприкосновенности компьютерной информации либо создающие реальную угрозу причинения такого вреда.*

Общая характеристика преступлений против общественной безопасности и общественного порядка будет неполной без указания на качественные особенности в законодательном регулировании ответственности за эти преступления в УК 1996 г. К числу таких особенностей относятся следующие:

– более объемная система норм и их более четкая классификация в зависимости от группового объекта уголовно-правовой охраны. В связи с этим в структуре раздела выделяются 5 глав: глава 24 (Преступления против общественной безопасности); глава 25 (Преступления против здоровья населения и общественной нравственности); глава 26 (Экологические преступления); глава 27 (Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта); глава 28 (Преступления в сфере компьютерной информации). Последняя глава является новой для уголовного законодательства нашего государства. Компьютеризация социально-экономических и управленческих отношений и повышение значимости информации требуют обеспечения безопасности граждан и общества от негативных издержек научно-технического прогресса и, в частности, от преступлений в этой сфере. При этом в главе 24 сосредоточиваются нормы об общих видах преступлений против общественной безопасности, а главы 25, 26, 27 и 28 по своей сути предусматривают нормы о посягательствах на специальные виды общественной безопасности;

– декриминализация ряда преступлений, потерявших в современных условиях прежний уровень общественной опасности (самовольная без надобности остановка поезда, организация азартных игр, умышленная погрыва посевов и др., всего – более десятка);

– криминализация ряда деяний (порядка двадцати), уголовная ответственность за совершение которых ранее либо вообще не предусматривалась, либо наступала по другим общим нормам УК (организация преступного сообщества, вандализм, пиратство, незаконное изго-

товление оружия, компьютерные преступления и др.). Одновременно в раздел IX вследствие уточнения объекта посягательства и для соблюдения системности Особенной части УК перемещен ряд норм, которые ранее предусматривались в иных главах УК: о бандитизме, захвате заложников, массовых беспорядках, выпуске или продаже товаров, выполнении работ либо оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности, организации объединений, посягающих на личность и права граждан, и др.;

– более четкое и последовательное изложение признаков основных и квалифицированных видов преступлений, что устраняет двойственное понимание отдельных признаков и лучше отражает природу анализируемых преступлений;

– значительно более широкое использование практики освобождения виновных от уголовной ответственности в случаях добровольного отказа от продолжения совершения преступлений и отсутствия в их действиях иного состава преступления. В отличие от УК РСФСР 1960 г. такие примечания содержатся уже в 7 статьях УК РФ (о террористическом акте, содействии террористической деятельности, захвате заложника, организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем, организации преступного сообщества (преступной организации), незаконном приобретении, передаче, сбыте, хранении, перевозке или ношении оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и незаконном изготовлении оружия);

– в целом усиление ответственности за такие наиболее опасные преступления, как террористический акт, бандитизм, незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, наркотических средств и др. Вместе с тем поскольку преступления против общественной безопасности не направлены непосредственно против жизни человека, постольку в соответствии со ст. 20 Конституции РФ из санкций ряда статей (о терроризме, бандитизме, угоне судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава) исключена смертная казнь как мера наказания.

Устанавливая уголовную ответственность за определенные формы общественно опасного поведения, законодатель одновременно в зависимости от конкретно поставленных целей осуществляет их *систематизацию*, т. е. на основании различных критериев объединяет преступления в определенные группы. Законодательная систематизация преследует цель выделения каких-либо общих специфических признаков и в случае необходимости придания им определенного уголовно-правового значения. Классификации могут быть различными, однако Уголовный кодекс 1996 г., как и предыдущие УК, основанием разделения преступлений на группы избирает, прежде всего, родовой объект посягательства, т. е. группу охраняемых уголовным законом однородных, взаимосвязанных между собой общественных отношений. Именно по этому критерию они группируются и сосредоточиваются в разделе IX УК «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Однако в отличие от Уголовных кодексов 1922, 1926 и 1960 гг. система Особенной части УК 1996 г. изложена более сложно и имеет не двухзвенную, а трехзвенную структуру. Особенная часть УК делится на разделы (первый уровень), разделы, в свою очередь, – на главы (второй уровень), а последние – на статьи, предусматривающие конкретные составы преступлений (третий уровень). Поэтому следует говорить о классификации по родовому (первый уровень), видовому (второй уровень) и непосредственному (третий уровень) объектам.

Система как некое образование означает множество закономерно связанных друг с другом элементов (предметов, явлений, взглядов, знаний и т. д.), представляющих собой определенное целостное образование, единство. Характерным признаком системы является определенная последовательность расположения ее элементов. Поэтому *система преступлений против общественной безопасности и общественного порядка представляет собой предусмотренные в разделе IX УК РФ преступления, которые посягают на безопасные условия*

жизни общества в целом и компактно располагаются в зависимости от видового объекта посягательства.

Классификацию преступлений, посягающих на один родовой объект, можно осуществлять по различным основаниям: по характеру и степени общественной опасности, по характеру субъективной стороны, субъекту, особенностям объективной стороны и т. д. Каждая из этих классификаций имеет определенное значение и осуществляется в зависимости от конкретно поставленных исследователем целей. Так, например, классификация преступлений по характеру и степени общественной опасности впервые законодательно закреплена в ст. 15 УК 1996 г., что имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, так как отнесение преступления к той или иной категории влечет определенные уголовно-правовые последствия для лица, его совершившего.

Такая категоризация имеет значение при определении оснований и пределов уголовной ответственности и наказания, индивидуализации наказания (при опасном и особо опасном рецидиве, приготовлении к преступлению, преступном сообществе, назначении вида исправительного учреждения, назначении в качестве меры наказания смертной казни, назначении наказания по совокупности преступлений, решении вопросов, связанных с отбыванием наказания, освобождением от него, продолжением отбывания наказания и рядом других).

Вместе с тем, как нам представляется, выстраивая новую систему Особенной части УК, законодатель не всегда был последователен в своих решениях. Во-первых, место раздела о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка в системе Особенной части УК не вполне согласуется с логикой оценки социальных ценностей, закрепленных в Конституции РФ, система которой строится в следующей иерархии основных ценностей: личность – общество – государство. В соответствии с таким подходом раздел о преступлениях против общественной безопасности должен быть помещен на второе место в структуре Особенной части УК после раздела о преступлениях против личности. Во-вторых, имеется расхождение между наименованием раздела и его содержанием. Название раздела «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» не в полной мере соответствует характеру и количеству норм, которые содержатся в самом разделе, а именно:

а) преступлений против общественного порядка в этом разделе предусмотрено всего два – хулиганство и вандализм, а характеристика их объекта вынесена в наименование раздела, несмотря на то, что законодатель и не выделяет самостоятельной главы о данных преступлениях;

б) и, наоборот, в исследуемом разделе предусмотрена глава 25, которая содержит 18 норм о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности, но родовой объект этих преступлений в наименовании раздела не обозначен.

В связи с этим, как нам представляется, более последовательно поступили разработчики Модельного Уголовного кодекса государств – участников СНГ, который был принят на VII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. и носит рекомендательный характер для их законодателей¹¹. В Модельном кодексе раздел VIII «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения», во-первых, расположен сразу за разделом о преступлениях против личности и, во-вторых, в его наименовании отражены родовые объекты преступлений, нормы о которых находятся в данном разделе.

Новые Уголовные кодексы стран СНГ по-разному решают вопрос о структуре УК и о месте в ней норм о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка. В УК Республики Беларусь 1999 г. выделяются три раздела, где в качестве объекта определяется «безопасность»: IX (Преступления против экологической безопасности

¹¹ См.: *Даньшин И. Н.* Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М., 1973. С. 142–143.

и природной среды), X (Преступления против общественной безопасности и здоровья населения), XII (Преступления против информационной безопасности). УК Кыргызской Республики 1997 г. воспроизводит структуру УК РФ; УК Республики Казахстан 1997 г. не выделяет разделов, а глава 9 Особенной части именуется «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»; в УК Республики Таджикистан 1998 г. раздел VIII «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» располагается после раздела «Преступления против личности» и включает в себя главы: 21 «Преступления против общественной безопасности», 22 «Преступления против здоровья населения» и 23 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств»; в УК Республики Узбекистан 1994 г. раздел VI «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» располагается после разделов о преступлениях против личности, против мира и безопасности, преступлений в сфере экономики, преступлений в сфере экологии, преступлений против государственной власти и включает в себя главы: XVII «Преступления против общественной безопасности», XVIII «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств», XIX «Преступления, составляющие незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ» и XX «Преступления против общественного порядка»; Уголовный закон Латвийской Республики 1998 г. не выделяет разделы, а глава XX озаглавлена «Преступные деяния против общественной безопасности и общественного порядка».

Исследователи, занимающиеся проблемами преступлений против общественной безопасности, применительно к УК РСФСР 1960 г. выделяли либо две (преступления, нарушающие правила общей безопасности, и преступления, нарушающие правила специальной безопасности)¹² либо три группы преступлений против общественной безопасности (при всем терминологическом различии их можно определить таким образом: общие виды преступлений против общественной безопасности, преступления против общественной безопасности, нарушающие специальные правила безопасности, и транспортные преступления)¹³.

С учетом выделения в структуре нового УК РФ глав по признакам видового объекта преступления против общественной безопасности и общественного порядка можно подразделить на:

- преступления против общественной безопасности в узком смысле слова или собственно преступления против общественной безопасности, которые предусматриваются в главе 24 (ст. 205–212, 215–227);
- преступления против экологической безопасности – экологические преступления, предусмотренные в главе 26 (ст. 246–262);
- преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, предусмотренные в главе 27 (ст. 263–271);
- преступления в сфере безопасности компьютерной информации – преступления в сфере компьютерной информации, предусмотренные в главе 28 (ст. 272–274).

В предлагаемой системе открытым остается вопрос о месте преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, которые предусматриваются в главе 25. Ранее мы уже отмечали непоследовательность законодателя, выражающуюся в неполном соответствии наименования раздела IX и его содержания. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности можно отнести к преступлениям против общественной безопасности в самом широком смысле слова (социальной безопасности) как представляющим угрозу для безопасности общества. Однако с учетом специфики и самостоятельного характера

¹² См.: Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. 1996. № 10.

¹³ См., напр.: *Матвишевский П. С.* Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М., 1964. С. 10–11.

общественных отношений, на которые осуществляется посягательство преступлениями данной группы, мы полагаем, что более точным было бы выделение их в самостоятельный раздел Особенной части УК.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос об определении места в предлагаемой системе таких преступлений, как хулиганство (ст. 213) и вандализм (ст. 214). Традиционно эти преступления относились к посягательствам на общественный порядок, а их родовым объектом также признавался общественный порядок¹⁴. УК 1996 г., в отличие от предыдущих кодексов, не выделяет в качестве самостоятельного такой видовой объект, как общественный порядок, и, следовательно, не может быть определен и круг деяний, посягающих на общественный порядок¹⁵. Ситуация усугубилась, когда в результате принятия 8 декабря 2003 г. Федерального закона № 162-ФЗ диспозиция ст. 213 была существенно изменена. С одной стороны, в новом законодательном описании хулиганство больше тяготеет к преступлениям против общественной безопасности, поскольку речь идет уже не просто о нарушении общественного порядка, а о действиях, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, т. е. об общеопасном преступлении. С другой стороны, разрушилась внутренняя взаимосвязь хулиганства и вандализма. Поэтому фактически осталось только одно деяние, которое в чистом виде можно отнести к преступлениям, посягающим на общественный порядок, что делает бессмысленным само выделение *группы* преступлений, посягающих на общественный порядок.

¹⁴ См.: Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. М., 1996. С. 16.

¹⁵ См., напр.: Гришанин П. Ф., Владимиров В. А. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М., 1962. С. 4.

Глава II

Преступления против общественной безопасности

§ 1. История уголовного законодательства России об ответственности за преступления, посягающие на общественную безопасность

В уголовном законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX в., в частности в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовном уложении 1903 г., в отличие от законодательства других государств, не предусматривалось самостоятельного раздела или главы, где бы содержались нормы об ответственности за деяния, аналогичные тем, которые предусмотрены в главе 24 раздела IX УК РФ 1996 г. (преступления против общественной безопасности).

Вместе с тем в **Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.** предусматривалось достаточно большое количество норм о деяниях, относимых в настоящее время к числу общеопасных преступлений.

Так, ст. 269 (1) главы первой (О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оного властям) раздела четвертого (О преступлениях и проступках против порядка управления) предусматривала дифференцированную ответственность за устройство, подговор к устройству или участие в публичном скопище, сопровождавшемся насилием или угрозой над личностью, похищением, самовольным завладением, истреблением или повреждением чужого имущества, вторжением в чужое обитаемое здание либо иное помещение, огороженное место или усадьбу, а равно руководство совершением указанных действий или подстрекательство к ним (аналог современного понятия массовых беспорядков).

В ст. 867–869 (1) отделения шестого (О нарушении правил, установленных для продажи, хранения и употребления веществ ядовитых и сильнодействующих) главы первой (О преступлениях и проступках против постановлений, ограждающих народное здравие) раздела восьмого (О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния) предусматривалась ответственность за нарушение правил обращения с ядовитыми и сильнодействующими веществами. В ст. 922–931 отделения первого (О составлении злонамеренных шаяк и пристанодержательства) главы третьей (О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений) раздела восьмого устанавливалась ответственность за организацию и участие в шайке для разбоев, зажигательства, краж и т. д. (некий аналог современного бандитизма). Аналогичная по содержанию норма предусматривалась и в отделении первом главы третьей (О похищении чужого имущества) раздела двенадцатого (О преступлениях и проступках против собственности частных лиц).

В ст. 986–987 (1) отделения седьмого (О противозаконном выделывании и хранении оружия или пороха и нарушении других, для ограждения личной безопасности постановленных, правил осторожности) главы третьей (О нарушениях общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений) раздела восьмого устанавливалась ответственность за нарушение правил обращения с оружием, порохом, взрывчатыми веществами, снарядами.

Уголовное уложение 1903 г. существенно отличалось от предыдущих законодательных актов не только по технико-юридическому изложению, но и по содержательной стороне. Важнейшей характеристикой Уложения было то обстоятельство, что оно вводилось в действие

постепенно, по отдельным главам и даже по отдельным статьям. В нем также предусматривались отдельные нормы об общеопасных преступлениях. Так, в главе пятой (О смуте) в ст. 120–123 устанавливалась ответственность за организацию и участие в публичных скопищах. **Законом от 7 июня 1904 г.** были введены в действие наряду с некоторыми другими главами и ст. 121, 123 и 126–134 данной главы¹⁶. Статьи 120 и 122 так и не вступили в действие.

В главе двенадцатой (О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие) ст. 279 предусматривалась ответственность за участие в шайке, составившейся в различных целях и в том числе для воровства, разбоев, вымогательств или мошенничества, для повреждений чужого имущества, приобретения, принятия на хранение, сокрытия, заклада или сбыта чужого имущества, добытого заведомо посредством преступного деяния, а также за дачу пристанища заведомо участнику такой шайки или доставление средств для учинения преступных деяний.

Анализ дореволюционного законодательства и специальной литературы позволяет сделать вывод о том, что в качестве характерных признаков «общеопасных преступлений», позволяющих отграничивать их от смежных, выделялись следующие. Во-первых, сложный объект посягательства, который включал в себя различные по характеру блага, во-вторых, особо опасный способ совершения преступления, и, в-третьих, неразрывную связь способа с объектом посягательства – создание опасности для неопределенного множества лиц. Вместе с тем при определении характера ущерба предпочтение отдавалось имущественным отношениям, и поэтому за основу брался, прежде всего, вред, причиненный имущественным благам, а уже в качестве дополнительного учитывался вред, причиняемый личным благам потерпевших.

До 1917 г. уголовное законодательство об ответственности за общеопасные преступления не подвергалось каким-либо изменениям. В последующем периоде развития законодательства можно выделить семь этапов.

В первые годы Советской власти не существовало кодифицированного уголовного законодательства, поэтому ответственность за наиболее тяжкие преступления предусматривалась декретами. Однако подходы законодателя к оценкам деяний и, главное, к описанию конкретных составов были различны. Так, ответственность за бандитизм в современном его понимании предусматривалась **Декретом ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении»**¹⁷. В этом декрете не только называется такое преступление, как бандитизм, но и впервые дается описание признаков состава: «...участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, а также как пособничество такой шайке и укрывательство ее». Ответственность за организацию скопища, участие в нем и подстрекательство к нему не предусматривалась. Однако встречается упоминание о другом деянии – «погромах». В одном из первых воззваний Военно-революционного комитета Петрограда говорилось: «Воровство, разбои, нападения, погромные попытки будут немедленно караться. Виновные в этих преступлениях будут беспощадно судимы военно-революционным судом»¹⁸. В **Декрете СНК от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах»** указывалось, что наряду с контрреволюционными преступлениями трибуналы рассматривают также дела по борьбе с погромами, взяточничеством, подлогами, неправильным использованием советских документов и хулиганством¹⁹. Конкретные признаки этого преступления в законодательстве этого периода не определялись, однако, как следует из смысла самого термина, речь шла о наиболее опасной форме деятельности скопища – при-

¹⁶ См.: Свод законов уголовных. Часть первая: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1910.

¹⁷ См.: Российское законодательство X – XX веков. Т. 9. М., 1994. С. 265.

¹⁸ См.: Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С. 21.

¹⁹ См.: СУ РСФСР. 1919. № 27. Ст. 301.

менении насилия к личности, уничтожении и повреждении имущества и тому подобных действиях.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. была предусмотрена специальная глава 8 «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок». В данной главе УК в семи статьях предусматривалась ответственность за такие деяния, как: приготовление, хранение и сбыт ядовитых и сильнодействующих веществ лицами, не имеющими на то право (ст. 215), неисполнение или нарушение при производстве строительных работ установленных законом или обязательным постановлением строительных, санитарных и противопожарных правил (ст. 217), неисполнение законного распоряжения или требования находящегося на посту органа милиции, военного караула, а равно всяких других властей, призванных охранять общественную безопасность и спокойствие (ст. 219), хранение огнестрельного оружия без надлежащего разрешения (ст. 220), нарушение иных правил (ст. 221) и др.

Кроме того, некоторые виды преступлений, посягающих на общую безопасность, предусматривались и в других главах. В разделе 2 (О преступлениях против порядка управления) главы 1 (Государственные преступления) устанавливалась ответственность за массовые беспорядки (ст. 75, 77), бандитизм (ст. 76), изготовление, приобретение, хранение или сбыт взрывчатых веществ или снарядов без соответствующего разрешения, если не доказана преступная цель учинения этих деяний (ст. 93), в разделе 5 главы 5 (Иные посягательства на личность и ее достоинство) – за хулиганство (ст. 176), в главе 6 (Имущественные преступления) – за разбой (ст. 84), бандитизм (ч. 2 ст. 84), за умышленное истребление или повреждение какого-либо имущества путем поджога, потопления или каким-либо другим общеопасным способом (ст. 197). В отличие от декретов, диспозиции статей УК 1922 г. уже формулировали признаки соответствующих преступлений²⁰.

УК РСФСР 1926 г. сохранил в целом такие же подходы к классификации. Особой части, как и УК 1922 г. Под уточненным наименованием предусматривалась и глава 8 (Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок), в которой первоначально содержалось 14 составов преступлений, и в том числе такие, как: нарушение правил обращения с сильнодействующими веществами (ст. 179), взрывчатыми веществами, снарядами, огнестрельным и холодным оружием, легковоспламеняющимися веществами и предметами и едкими веществами (ст. 182), нарушение правил об установке механических двигателей (ст. 189).

Ряд норм, предусматривающих общеопасные преступления, содержался в главе 2 (Преступления против порядка управления): массовые беспорядки (ст. 59², 59³), бандитизм (ст. 59⁴), хулиганство (ст. 74), неисполнение или нарушение правил производства строительных и горных работ (ст. 108)²¹.

С изданием в 1927 г. «Положения о преступлениях государственных» ответственность за бандитизм (ст. 17) и массовые беспорядки (ст. 16) стала регулироваться этим общесоюзным законом. Впоследствии в это «Положение» и, соответственно, в УК было внесено еще несколько норм: ст. 59 (тайное или открытое похищение огнестрельного оружия, частей к нему и огневых припасов), ст. 59^{3б}, 59^{3в}, 59^{3г}, 75¹, 75⁴ (транспортные преступления), ст. 108¹ (нарушение правил безопасности производства). До конца 50-х годов законодательные формулировки анализируемых преступлений, за исключением хулиганства, не подвергались каким-либо изменениям.

Следующий этап в развитии законодательства об уголовной ответственности за общеопасные преступления связан с принятием 25 декабря 1958 г. Закона СССР «Об уголовной

²⁰ См.: Источники права. Сер. «Юриспруденция». Тольятти, 2000. С. 3–40.

²¹ См.: СУ РСФСР. 1918. № 35.

ответственности за государственные преступления». В разделе «Иные государственные преступления» данного Закона содержались нормы, которые устанавливали ответственность за такие общеопасные деяния, как бандитизм (ст. 14) и массовые беспорядки (ст. 16). Впоследствии эти нормы текстуально без изменений были восприняты УК РСФСР 1960 г.

Интересными представляются законодательные тенденции конструирования системы преступлений против общественной безопасности в 40-х и 50-х годах. Так, при подготовке **проекта Уголовного кодекса СССР** норму о бандитизме, в которой в качестве обязательного признака указывалось на цель подрыва советской власти (ст. 79), предполагалось расположить в главе первой «Государственные преступления», в то время как об общеуголовном бандитизме и массовых беспорядках в проекте вообще не упоминалось. В главе одиннадцатой «Преступления против общественной безопасности, народного здоровья и общественной нравственности» выделялся раздел 1 «Преступления против общественной безопасности», где располагались следующие нормы: ст. 299 (хулиганство), ст. 300 (вовлечение несовершеннолетних в преступление), ст. 301 (изготовление, хранение, покупка и сбыт взрывчатых веществ и огнестрельного оружия), ст. 302 (изготовление, хранение, ношение, покупка и сбыт холодного оружия), ст. 303 (пересылка незарегистрированных предметов), ст. 304 (нарушение правил производства строительных работ), ст. 305 (нарушение правил безопасности горных работ), ст. 306 (нарушение производственно-технической дисциплины и правил безопасности во взрывоопасных предприятиях и цехах), ст. 307 (нарушение правил пожарной охраны), ст. 308 (неосторожное уничтожение или повреждение имущества общеопасным способом)²².

В принятом в **1960 г. УК РСФСР**, как и в УК 1922 и 1926 гг., также выделялась специальная глава 10, где, наряду с другими деяниями, предусматривалась ответственность за некоторые виды преступлений против общественной безопасности. При этом общественная безопасность по-прежнему выступала не в качестве самостоятельного родового объекта охраны, а как составная часть объединенного объекта под наименованием отношения общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. Однако следует отметить, что в отличие от предыдущих УК РСФСР в наименовании главы УК 1960 г. общественная безопасность была поставлена уже на первое место. Это явилось свидетельством усиления внимания к проблемам охраны общественной безопасности как наиболее важной из перечисленных в наименовании главы социальных ценностей.

К числу общеопасных преступлений, ответственность за которые устанавливалась в главе 10 УК, относились три группы деяний:

1) Преступления, нарушающие общие правила безопасности: ст. 217 (нарушение правил хранения, использования, учета, перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ или пиротехнических изделий), ст. 217¹ (незаконный провоз воздушным транспортом взрывчатых или легковоспламеняющихся веществ – введена 10 октября 1973 г.), ст. 218 (незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ), ст. 218¹ (хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ – введена 1 июня 1967 г.), ст. 219 (небрежное хранение огнестрельного оружия), ст. 219¹ (незаконное обучение каратэ – введена 10 ноября 1981 г., исключена 5 декабря 1991 г.), ст. 220 (незаконная пересылка легковоспламеняющихся или едких веществ);

2) Преступления, нарушающие специальные производственные правила безопасности: ст. 214 (нарушение правил безопасности горных работ), ст. 215 (нарушение правил при производстве строительных работ), ст. 216 (нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах);

²² См.: Там же. С. 41–84.

3) Транспортные преступления: ст. 211 (нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами), ст. 211¹ (управление транспортным средством в состоянии опьянения – введена 19 июня 1968 г., исключена 24 декабря 1992 г.), ст. 211² (выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств – введена 19 июня 1968 г.), ст. 211³ (допуск к управлению транспортными средствами водителей, находящихся в состоянии опьянения, – введена 19 июня 1968 г.), ст. 212¹ (угон транспортных средств – введена 3 июля 1965 г., исключена 1 июля 1994 г.), ст. 213 (нарушение действующих на транспорте правил), ст. 213¹ (самовольная без надобности остановка поезда – введена 3 июля 1965 г.), ст. 213² (угон воздушного судна – введена 17 апреля 1973 г.).

Кроме того, в данной главе предусматривался и ряд деяний, посягающих на общественный порядок: хулиганство (ст. 206), угроза убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 207), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 208), систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством (ст. 209 – исключена 5 декабря 1991 г.), злостное уклонение от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования (ст. 209¹ – введена 25 февраля 1970 г., исключена 7 августа 1975 г.), вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность (ст. 210), доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения (ст. 210¹ – введена 30 ноября 1972 г.), вовлечение несовершеннолетних в немедицинское потребление лекарственных и других средств, влекущих одурманивание (ст. 210² – введена 29 июня 1989 г.).

Наконец, в разделе 11 «Иные государственные преступления» главы первой «Государственные преступления» предусматривалась ответственность за бандитизм (ст. 77) и массовые беспорядки (ст. 79), нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 85), повреждение путей сообщения и транспортных средств (ст. 86), повреждение трубопроводов (ст. 86¹ – введена 29 апреля 1993 г.)²³.

Новый импульс уголовно-правовое регулирование охраны общественной безопасности получило в начале 80-х годов. Особенностью этого этапа было то, что процесс внутригосударственного законодательства был напрямую связан с активизацией процесса развития международного уголовного права. К числу наиболее опасных преступлений, затрагивающих совместные интересы различных государств, в это время были отнесены терроризм, захват заложников, угон воздушного судна и др. Проблемы объединения усилий в борьбе с этими преступлениями рассматривались на ряде международных форумов.

Так, борьбе с терроризмом были посвящены Международные конференции по унификации уголовного законодательства в 1930 г. (III, Брюссель), 1931 г. (IV, Париж), 1934 г. (V, Мадрид), Женевская конвенция о предупреждении и наказании терроризма, подписанная 20 государствами 16 ноября 1937 г., Европейская конвенция по борьбе с терроризмом 1977 г.

Захват заложников и угон воздушного судна первоначально рассматривались как конкретные формы проявления терроризма. Однако по мере распространения этих преступлений и накопления международного опыта борьбы с ними международное сообщество посредством принятия различных соглашений стало предоставлять им статус самостоятельных преступлений. 17 декабря 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН резолюцией 34/146 приняла Конвенцию о борьбе с захватом заложников²⁴.

²³ См.: Уголовный кодекс Союза ССР. Проект. М., 1947.

²⁴ См.: Международное публичное право. Сборник документов: В 2 т. М., 1996.

Борьба с угоном воздушных судов регламентировалась уже указанными Конвенциями по борьбе с терроризмом, а также специальными соглашениями по поводу этого преступления: Токийская конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершенных на борту воздушного судна 1963 г., Гаагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г., Монреальская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.

Поскольку СССР в свое время присоединился к соответствующим международным документам, постольку с некоторым запозданием в УК РСФСР **Федеральным законом от 1 июня 1994 г.** были введены ст. 213³ и 213⁴, которые установили ответственность за терроризм и заведомо ложное сообщение об акте терроризма. В соответствии со ст. 213³ терроризм определялся как «совершение в целях нарушения общественной безопасности либо воздействия на принятие решений органами власти взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, а равно наступления иных тяжких последствий (терроризм)». Квалифицированным видом были: «Те же действия, если они причинили значительный имущественный ущерб, либо привели к наступлению иных тяжких последствий, либо совершены организованной группой». Особо квалифицированным видом признавались: «Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие смерть человека». Наказание за терроризм также устанавливалось различное: по ч. 1 в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет, по ч. 2 – от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой, а по ч. 3 – от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества. Согласно примечанию к этой статье «лицо, участвовавшее в подготовке акта терроризма, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным образом способствовало предотвращению акта терроризма».

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 июля 1987 г.

Уголовный кодекс был дополнен ст. 126¹, которая установила ответственность за захват заложников. Однако первоначальная редакция ст. 126¹ предусматривала примечание, в соответствии с которым действие этой статьи «не распространяется на случаи совершения такого преступления на территории СССР, когда лицо, захватившее или удерживающее заложника, находится на территории СССР, и это лицо, а также заложник являются гражданами СССР». Наличие подобной оговорки, во-первых, нарушало принцип равной уголовно-правовой защиты иностранцев и граждан СССР, поскольку при захвате заложника – иностранца ответственность наступала по ст. 126¹ УК, а захват заложника-гражданина СССР рассматривался как незаконное лишение свободы. Между тем санкции за совершение этих преступлений существенно различались. По ст. 126¹ максимум наказания составлял пятнадцать лет лишения свободы, тогда как по ст. 126 – три года лишения свободы. Во-вторых, данная оговорка практически парализовала применение ст. 126¹ УК, поскольку обычно при захвате заложников на территории СССР в качестве и заложников, и виновных лиц выступали именно граждане СССР. И только Законом РФ от 18 февраля 1993 г. примечание к ст. 126¹ было исключено из УК. С этого времени данная норма стала применяться в полном объеме.

Президиум Верховного Совета СССР 3 января 1973 г. издал Указ «Об уголовной ответственности за угон воздушного судна», на основании которого **Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 апреля 1973 г.** в УК РСФСР была введена ст. 213², установившая ответственность за угон воздушного судна. Согласно этой статье «угон воздушного судна, находящегося на земле или в полете, наказывался лишением свободы на срок от трех до десяти лет. Угон воздушного судна, находящегося на земле или в полете, или захват такого судна с целью угона, совершенные с применением насилия или угроз либо повлек-

шие аварию воздушного судна или иные тяжкие последствия, наказывался лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой. Особо квалифицированный вид – действия, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 213¹ УК, если они повлекли гибель людей или причинение тяжких телесных повреждений, наказывались лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества».

23 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон «Об уголовной ответственности за блокирование транспортных коммуникаций и иные незаконные действия, посягающие на нормальную и безопасную работу транспорта». Вопреки установленной до этого практике данный закон не был ратифицирован Верховным Советом РСФСР и, соответственно, не был включен в УК РСФСР. Однако в соответствии с п. 2 Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» на территории Российской Федерации до принятия соответствующих законодательных актов РФ нормы бывшего Союза ССР применялись в части, не противоречащей Конституции РСФСР, законодательству РСФСР и указанному Соглашению. Закон СССР в части угона воздушного судна противоречил ст. 213² УК, поэтому он не мог применяться к случаям угона воздушного судна. В остальном данный Закон мог применяться на территории РФ.

В соответствии с ч. 3 Закона СССР от 23 октября 1990 г. ответственность наступала за угон или захват железнодорожного подвижного состава, воздушного, морского или речного судна, а равно захват вокзала, аэродрома, порта или иного транспортного предприятия, учреждения, организации, грузов без цели их хищения. Квалифицированными видами этого преступления были совершение названных действий по предварительному сговору группой лиц, с применением насилия или угроз его применения, либо повлекшие аварию транспортного средства или иные тяжкие последствия. Особо квалифицированными видами являлись наступление в результате соответствующих действий гибели одного или более лиц или причинение тяжких телесных повреждений. Однако на практике данный Закон не применялся.

Последним из преступлений, посягающих на общую безопасность, получившим законодательное закрепление, был состав организации незаконных вооруженных формирований. Норма об этом преступлении (ст. 77²) была введена **Федеральным законом Российской Федерации от 28 апреля 1995 г.** Согласно данной статье «Организация вооруженных объединений, отрядов, дружин и других вооруженных формирований, не предусмотренных федеральными законами, а равно участие в таких формированиях наказывались лишением свободы на срок до восьми лет с конфискацией имущества или без таковой. Умышленные действия, совершенные в составе незаконных вооруженных формирований, если они сопряжены с массовым насилием над людьми или причинением иных тяжких последствий, наказывались лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет с конфискацией имущества или без таковой. Особо квалифицированный вид – умышленные действия, совершенные в составе незаконных вооруженных формирований, если они повлекли гибель людей, наказывались лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества. Согласно примечанию к ст. 77² лицо, добровольно вышедшее из незаконного вооруженного формирования и сдавшее оружие органам власти, освобождается от уголовной ответственности. В этом случае оно подлежало ответственности лишь за деяния, содержащие состав иного преступления.

§ 2. Понятие, система и общая характеристика преступлений против общественной безопасности

Преступления против общественной безопасности – это умышленные или неосторожные общественно опасные деяния, причиняющие существенный вред или создающие реальную угрозу причинения вреда безопасным условиям жизни общества.

Как и более ранние кодексы РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг., Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. сохранил в Особенной части главу 24, предусматривающую статьи о преступлениях, которые посягают на общественную безопасность (ст. 205–227 УК). Однако, в отличие от ранее действовавших кодексов, видовой объект главы 24 определяется уже только как общественная безопасность. К тому же система соответствующих норм подверглась достаточно существенным изменениям, поскольку современный период характеризуется качественно иным состоянием общества, диктующим новые подходы к обеспечению безопасности его интересов.

В общей массе регистрируемых преступлений преступления против общественной безопасности составляют незначительную долю. Так, если общее количество зарегистрированных в России в 2006 г. преступлений составило 3 855 373, то преступлений против общественной безопасности было зарегистрировано: террористических актов (ст. 205 УК) – 112, захвата заложников (ст. 206 УК) – 22, бандитизма (ст. 209 УК) – 432, незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, его составных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 222 УК) – 23 253, хищения либо вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК) – 2204, хулиганства (ст. 213 УК) – 28 645²⁵.

Вместе с тем, несмотря на незначительный процент в общей массе регистрируемых преступлений, общественная опасность преступных посягательств на общественную безопасность чрезвычайно высока. Высокая степень социальной опасности этой группы деяний обусловливается не только количественной характеристикой, но и внутренними характерными свойствами самих преступлений против общественной безопасности (особенностями объекта и деяния, разнообразным характером последствий). Преступления против общественной безопасности разрушают общественно полезные социальные связи, которые складываются между различными субъектами в процессе их деятельности. Они объективно вредны для неопределенно широкого круга общественных отношений (неприкосновенности личности, сохранности имущества, нормальной деятельности государственных и общественных институтов, экологической безопасности и т. д.), а их последствия достаточно тяжелы для общества.

Повышенная общественная опасность рассматриваемой группы преступлений отражается и в факте признания ряда из них *преступлениями международного характера*. Преступность как социальное явление имеет межнациональный характер и в равной степени причиняет ущерб различным государствам и обществам независимо от их социально-политического устройства. Борьба с национальной преступностью в настоящее время существенно осложняется ростом таких преступлений, которые представляют опасность не только для отдельных государств, но и для всего человечества и требуют совместных усилий и повседневного сотрудничества государств. Сотрудничество различных государств в совместной борьбе с преступлениями, которые затрагивают общие интересы, выражается в различных формах, в том числе в форме разработки и принятия многосторонних договоров, международных соглашений (конвенций). Ратификация соответствующих конвенций налагает определенные обяза-

²⁵ См.: Уголовный кодекс РСФСР. М., 1996.

тельства на государства – участников соответствующих соглашений. Естественно, что в орбиту совместных интересов попадают, прежде всего, наиболее опасные преступления. Данные преступления затрагивают различные интересы и подразделяются на две большие группы: международные преступления и преступления международного характера (так называемые «международные уголовные преступления»). Ответственность за первую группу деяний (агрессия, нарушение законов и обычаев войны, геноцид, апартеид и т. д.) для физических лиц наступает при условии, что их деяния связаны с преступной деятельностью государств. Преступления международного характера (терроризм, захват заложников, угон воздушного судна, пиратство и др.) не имеют непосредственной связи с преступной деятельностью конкретных государств, но они, наряду с причинением ущерба национальным интересам, посягают и на различные аспекты мирного сосуществования и сотрудничества государств. Ответственность за эти преступления наступает либо по специальным уставам (Нюрнбергский и Токийский процессы), либо по национальным уголовным законам.

Анализируемая группа преступлений посягает на общественную безопасность. Как *видовой объект* уголовно-правовой охраны безопасные условия жизни общества (общественная безопасность) включают в себя совокупность общественных отношений по обеспечению неприкосновенности жизни и здоровья граждан, имущественных интересов физических и юридических лиц, общественного спокойствия, нормальной деятельности государственных и общественных институтов.

По особенностям *объективной стороны* рассматриваемые преступления могут совершаться как путем *действий* (большинство преступлений), так и путем *бездействия*. Путем бездействия могут совершаться преступления, для которых характерно нарушение каких-либо правил: правил безопасности на объектах атомной энергетики, правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и т. д. (ст. 216–219, 225). Только путем бездействия совершается небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224).

По моменту окончания преступления (способу законодательного описания) выделяются составы *усеченные*:

– организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, бандитизм, организация преступного сообщества (преступной организации), пиратство, вымогательство общепасных предметов (ст. 208–210, 227, 221 и 226); *формальные* – террористический акт в форме совершения взрыва, пожара и т. п. действий, захват заложника, заведомо ложное сообщение о терроризме, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, массовые беспорядки и другие (ст. 206, 207, 211, 212, 220–223, 226) и *материальные* – террористический акт в форме создания угрозы совершения взрыва, поджога и т. п. действий, нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения, небрежное хранение огнестрельного оружия и другие составы (ст. 205, 215–219, 224, 225).

По характеру *субъективной стороны* преступления против общественной безопасности характеризуются в основном умышленной формой вины, исключением являются лишь деяния, связанные с нарушением правил специальной безопасности и безопасности производства определенных работ (ст. 215–219), а также небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224).

По особенностям *субъекта* преступления против общественной безопасности можно разделить на две группы:

а) преступления, которые могут совершаться только специальным субъектом, – нарушение правил пожарной безопасности, ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения

и пиратство (ст. 215¹, 219, 225 и 227). Кроме того, бандитизм и организация преступного сообщества (преступной организации) могут совершаться с использованием лицом своего служебного положения (ч. 3 ст. 209 и ст. 210);

б) преступления, которые могут совершаться любыми лицами (все иные преступления против общественной безопасности).

Если говорить о возрастном критерии субъекта, то по достижении 14-летнего возраста ответственность наступает за террористический акт, захват заложника, заведомо ложное сообщение об акте терроризма и хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 205, 206, 207 и 226). За совершение иных преступлений против общественной безопасности ответственность наступает по достижении 16-летнего возраста.

В зависимости от характера и степени общественной опасности преступления против общественной безопасности подразделяются на:

– преступления небольшой тяжести – призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами (ч. 3 ст. 212), прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения (ст. 215¹), нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (ч. 1 ст. 217), незаконное обращение с радиоактивными материалами (ч. 1 ст. 220), нарушение правил специальной безопасности и безопасности производства определенных работ (ч. 1 ст. 215, ст. 216 и 219, ст. 218), небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224), ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ч. 1 ст. 225);

– преступления средней тяжести – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205¹), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207), участие в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208), квалифицированные виды нарушения правил специальной безопасности и безопасности производства определенных работ (ч. 2 ст. 215, ст. 216 и 219), приведение в негодность объектов жизнеобеспечения (ст. 215²), приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов (ст. 215³), хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ч. 1 ст. 221), незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение, или изготовление оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и незаконное изготовление оружия, а также ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия массового поражения либо материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения (ч. 1 ст. 222 и 223, ст. 225);

– тяжкие преступления – террористический акт (ч. 1 ст. 205), содействие террористической деятельности (ст. 205¹), захват заложника (ч. 1 ст. 206), организация незаконного вооруженного формирования (ч. 1 ст. 208), участие в преступном сообществе (преступной организации) (ч. 2 ст. 210), угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ч. 1 ст. 211), массовые беспорядки (ч. 1 и 2 ст. 212), квалифицированные и особо квалифицированные виды хищения или вымогательства ядерных материалов или радиоактивных веществ, незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и незаконного изготовления оружия (ч. 2 и 3 ст. 221–223), простое и квалифицированное хищение или вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ч. 2 и 3 ст. 226), пиратство (ч. 1 ст. 227);

– особо тяжкие преступления – квалифицированный и особо квалифицированный виды террористического акта, захвата заложника (ч. 2 и 3 ст. 205 и 206), бандитизм (ст. 209), орга-

низация преступного сообщества (преступной организации) (ч. 1 и 3 ст. 210), квалифицированный и особо квалифицированные виды угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ч. 2 и 3 ст. 211), особо квалифицированный и суперквалифицированный виды хищения либо вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ч. 3 и 4 ст. 226), квалифицированный и особо квалифицированные виды пиратства (ч. 2 и 3 ст. 227).

Следует отметить, что законодатель выделяет такие квалифицирующие признаки преступлений против общественной безопасности, которые значительно повышают общественную опасность этих преступлений и нередко переводят их в разряд более тяжелой категории. Например, простые составы незаконного оборота оружия, его основных частей, боевых припасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч. 1 ст. 222 и 223) относятся к преступлениям средней тяжести, а такого же рода действия, совершенные группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 222 и 223), являются уже тяжкими преступлениями; состав простого террористического акта или захвата заложника является тяжким преступлением, а те же действия, совершенные группой лиц по предварительному сговору, придают этим преступлениям уже статус особо тяжких преступлений.

Анализ *системы преступлений*, предусмотренной главой 24 УК, позволяет выделить в зависимости от непосредственного объекта посягательства следующие группы деяний: а) преступления против общей безопасности (ст. 205–212, 227 УК), б) преступления против общественного порядка (ст. 213, 214 УК), в) преступления, связанные с нарушением специальных правил безопасности (ст. 215–219 УК), г) преступления, связанные с нарушением установленных правил обращения с общеперильными предметами (ст. 220–226 УК).

Вместе с тем полагаем необходимым отметить следующие обстоятельства:

1. Традиционно хулиганство (ст. 213) и вандализм (ст. 214) относились к преступлениям против общественного порядка, и родовым объектом этих преступлений признавался общественный порядок. УК 1996 г., несмотря на указание в наименовании раздела на «общественный порядок», в отличие от предыдущих кодексов не выделяет в качестве самостоятельного такой видовой объект, как общественный порядок. Следовательно, не может быть определен и круг деяний, посягающих на общественный порядок. Диспозиция ст. 213 в результате принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. была существенно изменена. Акцентация законодателя на способ совершения хулиганства – с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (общеперильный способ), – позволяет сделать вывод о том, что это деяние в большей степени посягает на общественную безопасность, нежели на общественный порядок.

2. Несмотря на то, что норма о пиратстве расположена в самом конце главы 24 УК, данное деяние, тем не менее, по своим объективным и субъективным признакам гораздо ближе к таким преступлениям, как бандитизм, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, захват заложника. Поэтому мы включаем это преступление в систему преступлений против общей безопасности.

3. Законодательное место нормы об организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем в главе о преступлениях против общественной безопасности недостаточно обосновано. Сущность данного преступления выражается, прежде всего, в том, что оно сопряжено с нарушением закрепленного Конституцией Российской Федерации баланса компетенций и возможностей между различными ветвями (прежде всего, законодательной и исполнительной) и уровнями (федеральным, субъектов федерации и местного самоуправления) власти, а также государственного устройства. Совершение данного преступления влечет за собой нарушение стабильности и равновесия между различными государственными органами, создает угрозу неконституционного, насильственного разрешения проблем государственного строительства и власти. Поэтому мы считаем, что организация незаконного воору-

женного формирования либо участие в нем относится к категории преступлений против государства и, соответственно, норма об этом преступлении должна располагаться в главе 29 раздела X «Преступления против государственной власти». В этой же главе должно быть место и другой норме УК – ст. 212, которая предусматривает ответственность за массовые беспорядки. По нашему мнению, массовые беспорядки причиняют вред не столько отношениям общественной безопасности, сколько отношениям, регулирующим взаимоотношения граждан и социальных институтов общества с властью, т. е. основам конституционного строя и безопасности государства, а поэтому место этой нормы должно быть в разделе X УК «Преступления против государственной власти». Справедливо отмечая основную сущностную характеристику этого преступления, А. Н. Трайнин в 1927 г. писал: «Само событие массового беспорядка являет собой коллективное сопротивление власти»²⁶.

²⁶ См.: Преступность, криминология, криминологическая защита. М., 2007. С. 347–349.

§ 3. Преступления против общей безопасности

Преступления против общей безопасности (иногда их называют преступлениями против общественной безопасности в узком смысле слова) являются наиболее тяжкими из всех видов преступлений против общественной безопасности. *Общая безопасность* как объект уголовно-правовой охраны представляет собой совокупность общественных отношений, регламентирующих основы (коренные интересы) обеспечения безопасных условий существования общества. Отношения общей безопасности являются фундаментом, на котором базируется безопасность общества в целом. Общие правила безопасности устанавливаются в целях предупреждения физического, материального, организационного или иного вреда для широкого круга социальных благ от действий субъектов, которые сопряжены с несоблюдением общепринятых правил поведения человека в обществе в наиболее опасных и насильственных формах. Соблюдение этих правил не требует специальных познаний, они не относятся к какой-либо специальной (локальной или профессиональной) сфере деятельности и адресованы всем гражданам.

Преступления, нарушающие общие правила безопасности, затрагивают глубинные интересы общества в сфере обеспечения его безопасности и нормальных условий существования, сопряжены с причинением тяжкого вреда широкому кругу юридических и физических лиц. Поэтому такие преступления, как террористический акт, захват заложника, бандитизм и др., прежде всего, и определяют «лицо» преступлений против общественной безопасности и придают им те специфические черты, о которых шла речь ранее при общей характеристике преступлений против общественной безопасности. Характерные признаки этой группы преступлений заключаются в том, что указанные деяния являются умышленными, все они связаны с применением насилия или угрозой его применения и сопряжены с нарушением только положений уголовно-правовых норм. Именно поэтому законодатель описывает эти деяния как преступления с усеченными или формальными составами, перенося тем самым момент окончания преступления на более раннюю стадию развития преступной деятельности. К тому же следует отметить, что нормы о 5 преступлениях (террористическом акте, содействии террористической деятельности, захвате заложника, угоне воздушного судна и пиратстве) восприняты нашим законодательством из международного уголовного права, что свидетельствует об оценке этих преступлений международным сообществом как наиболее опасных.

А. Террористический акт (ст. 205 УК)

Данное деяние относится к числу наиболее опасных преступлений международного характера, получивших в последние годы значительную распространенность в мире²⁷. Из всех преступлений против общественной безопасности оно является наиболее тяжким. Несмотря на небольшое количество террористических актов (в 2006 г. в России было зарегистрировано 112 случаев) акты терроризма, как правило, сопровождаются значительным числом человеческих жертв, огромным материальным ущербом и социально-психологической дезорганизацией общества. Социально-деструктивная функция терроризма выражается во внедрении в жизнедеятельность общества насильственных методов разрешения социальных конфликтов, в порождении социально-психологической атмосферы страха и беспокойства²⁸. В условиях доступа человечества к оружию массового поражения (ядерному, химическому, биологиче-

²⁷ Трайнин А. Н. Уголовное право. Часть Особенная. Преступления против государства и социалистического порядка. М., 1927. С. 110.

²⁸ См.: Долгова А. И. Системные аспекты терроризма и борьбы с ним // Терроризм в России и проблемы системного реагирования. М., 2004. С. 6.

скому, лазерному и т. д.), обладающему огромной разрушительной силой, общественная опасность терроризма неизмеримо возрастает.

Мотивационное разнообразие конфликтных ситуаций социальной жизни (политические, религиозные, националистические, общеуголовные и т. д.) порождают и различные формы проявления терроризма. Однако с точки зрения уголовно-правовой характеристики терроризм в силу формализованности права и необходимости установления достаточных оснований для привлечения к уголовной ответственности должен иметь определенный характер и четкие границы. Как известно, в уголовном праве таким основанием является совокупность признаков состава преступления, которая однозначно и недвусмысленно должна характеризовать конкретное общественно опасное явление жизни как преступление. Однако юридическому оформлению понятия терроризма в современных условиях препятствуют как минимум два существенных обстоятельства: во-первых, крайняя политизированность оценок терроризма и, во-вторых, стремление придать такому определению всеобъемлющий характер. Оба эти обстоятельства отчетливо прослеживаются, начиная с резолюции IV Конференции по унификации уголовного законодательства (Париж, 1931 г.)²⁹.

Среди специалистов существуют различные подходы к уголовно-правовому определению понятия терроризма. Одни авторы считают, что, возможно, плодотворнее не искать универсальное определение терроризма, а ограничиться некоторыми его признаками. По мнению других, в УК России дается очень широкое понятие терроризма, и поэтому следует ограничиться теми случаями, когда в основе соответствующих насильственных действий лежит стремление изменить существующий правопорядок. Следовательно, терроризм следует рассматривать как планомерное применение насильственных методов численно небольшими группировками для воздействия на неприкосновенность национальных и интернациональных институтов, прежде всего правительств, иногда со специальной целью вызвать репрессии со стороны государства или принудить к иному реагирующему на действие террористов поведению³⁰.

Мы считаем, что с точки зрения регламентации в уголовном законе любой терроризм носит уголовно-правовой характер. Вместе с тем нужно учитывать, что при криминализации того или иного общественно опасного деяния законодатель исходит из необходимости обеспечения защиты не абстрактных интересов, а охраны от преступных посягательств конкретно определенной группы общественных отношений. Признаки конкретного преступления формулируются в нормах УК РФ, прежде всего, с учетом характера и круга охраняемых отношений. Поэтому в зависимости от конкретных особенностей деяния (его направленности, способа совершения, характера возможного вреда и т. д.) объективно неизбежны различия в законодательном наборе признаков тех или иных, даже однородных, преступлений. Так, например, в УК РФ можно выделить три группы преступлений, объективные или субъективные признаки которых в достаточно высокой степени выражают элементы терроризма:

- а) преступления, предусмотренные ст. 205 и 207;
- б) преступления, предусмотренные ст. 277 и 281;
- в) преступления, предусмотренные п. «б» и «е» ч. 2 ст. 105, ст. 295 и ст. 317.

Функциональное назначение криминализации третьей группы преступлений связано с охраной жизни либо конкретных лиц (ст. 295 и 317), либо безымянной, но индивидуально определенной личности (п. «б» ч. 2 ст. 105). Вторая группа преступлений направлена на подрыв конституционного строя и безопасности государства как важнейших, основополагающих элементов организации общества. Причинение конкретного вреда потерпевшим при таком виде террористического акта является не самоцелью, а способом подрыва консти-

²⁹ См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170.

³⁰ См.: Государство и право. 1995. № 4. С. 24, 33, 23, 40.

туционного строя и безопасности государства. Следовательно, обеспечивая охрану конституционного строя, законодатель одновременно обеспечивает и охрану жизни лиц, которые могут быть потерпевшими от такого рода преступлений. К тому же в диверсии при описании законодателем способа преступления акцент сделан не столько на причинение вреда людям, сколько на уничтожение и повреждение имущественных объектов.

Наконец, первая группа преступлений характеризуется направленностью на причинение физического вреда неопределенно широкому кругу лиц и общеопасный способ связан, прежде всего, с причинением вреда личности, а уже во вторую очередь – с уничтожением или повреждением материальных объектов. К тому же причинение вреда материальным объектам по своей сути является не чем иным, как формой психологического давления на людей, способом их устрашения. Адресуется это давление не отдельной, конкретной личности, а обществу в целом. Таким образом, именно данная группа преступлений представляет угрозу для безопасности общества: приводит к многочисленным человеческим жертвам, крупному материальному ущербу, дестабилизирует обстановку в государстве, формирует негативную морально-психологическую атмосферу, порождает панические настроения, чувство страха граждан за свою жизнь. Поэтому, согласно Декларации ООН от 9 декабря 1994 г. «О мерах по ликвидации международного терроризма», «преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание».

Правовую и организационную основу борьбы с терроризмом в России составляют ратифицированные международные документы и законы о борьбе с терроризмом³¹.

В ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» как социальное явление терроризм определяется в виде идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Основной характеристикой терроризма является *устрашение* террором, насилием, запугивание чем-нибудь, поддержание состояния постоянного страха³². Заслуживает внимания высказанная в литературе точка зрения, согласно которой к признакам терроризма относятся также *порождение общей опасности*, возникающей в результате совершения общеопасных действий либо угрозы таковыми, *публичный характер* исполнения и *цель* – прямое или косвенное воздействие на принятие какого-либо решения или отказ от него в интересах террористов³³. Таким образом, под *терроризмом в широком смысле слова как социальном явлении следует понимать применение насилия со стороны отдельных лиц или групп людей по устрашению населения либо отдельных специальных лиц, созданию социально-психологической атмосферы страха в целях оказания воздействия на принятие решений, выгодных для террористов*.

В этом же Законе дается и понятие наиболее распространенной формы терроризма – террористического акта, под которым понимаются совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также

³¹ Подробнее об этом см.: *Овчинникова В. Г.* Терроризм. СПб., 1998. С. 7–8; *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования. Уголовно-правовое исследование. М., 2000. С. 12–23.

³² См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1986. С. 691.

³³ См.: *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб., 2002. С. 35–36.

угроза совершения указанных действий в тех же целях. Новая редакция ст. 205 УК РФ обусловлена ратификацией Россией Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма³⁴.

Объект преступления – совокупность общественных отношений, регламентирующих основы (коренные интересы) обеспечения безопасных условий существования общества.

С *объективной стороны* терроризм, предусмотренный ст. 205 УК, совершается только в виде действий³⁵, выраженных в двух альтернативных формах: а) совершении взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, и б) угрозе совершения указанных действий.

Способы совершения данного преступления в законе исчерпывающим образом не определяются. Законодатель указывает на такие наиболее типичные способы, как взрыв и поджог, и далее на обобщенную характеристику – совершение иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий. Таким образом, законодатель, с одной стороны, подчеркивает основное характерное свойство этих действий – их общепаспортный характер (устрашающих население), а с другой – указывает на обязательное свойство взрыва, поджога и иных подобных действий – их реальную способность повлечь указанные в законе последствия.

Взрыв – это сопровождающееся сильным звуком воспламенение чего-нибудь вследствие мгновенного химического разложения вещества и образования сильно нагретых газов. *Поджог* – намеренное с преступным умыслом вызывание пожара где-нибудь³⁶. Поджог имеет в своей первооснове *пожар*, т. е. неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства. *Иные действия* – это различные по характеру действия, способные повлечь за собой такие же последствия, как и при взрыве или поджоге: использование радиоактивных, ядовитых и сильнодействующих веществ, производство массовых отравлений, распространение эпидемий и эпизоотий, устройство аварий и катастроф, вывод из строя жизнеобеспечивающих объектов, нарушение технологических либо производственных процессов, блокирование транспортных коммуникаций и т. п.

Так, например, некто М. и Н. обратились в администрацию одного из субъектов Федерации с требованием предоставить им в условленное время 1 млн американских долларов. В противном случае они угрожали отравить ртутью водозаборные сооружения, откуда город снабжался водой. При задержании у них была обнаружена трехлитровая банка с ртутью. Анализ судебной практики показывает, что подавляющее большинство актов терроризма совершается путем взрывов.

Угроза совершения указанных действий по сравнению с УК 1960 г. является новой формой терроризма. Необходимость включения этой формы деяния обусловлена, во-первых, целесообразностью криминализации случаев совершения «предупреждающих» взрывов, поджогов и иных подобных действий, в результате которых не создается опасности гибели людей, причи-

³⁴ Международным сообществом подписано значительное количество таких документов, начиная с Гагской конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г. и заканчивая Конвенцией Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. Следует также иметь в виду Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» и Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (см.: Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений. Сборник нормативных актов и официальных документов. М., 2003).

³⁵ В. В. Мальцев допускает возможность в некоторых случаях совершения террористической акции и путем бездействия, например, посредством невыполнения обязанностей, связанных со своевременным отключением производственных или технологических процессов в энергетике, на транспорте либо в добывающей промышленности (см.: Мальцев В. В. Терроризм: проблема уголовно-правового регулирования // Государство и право. 1998. № 8. С. 104). Действительно, чисто теоретически такой вариант возможен, однако на практике он не встречается.

³⁶ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1).

нения значительного имущественного ущерба, но которые по мысли виновных лиц предназначены продемонстрировать реальность их намерений, и, во-вторых, необходимостью усиления ответственности за столь опасное преступление, как терроризм, путем переноса момента окончания преступления с фактически совершенных действий на более раннюю стадию – высказывание соответствующей угрозы.

Под *угрозой* совершения указанных в ч. 1 ст. 205 УК действий следует понимать психическое воздействие на людей в форме высказывания намерения учинить взрыв, поджог или иные подобные действия, совершаемые в определенных целях. Однако угроза в соответствии с принятым в уголовном праве подходом включает в себя не просто одно только высказанное намерение учинить акт терроризма, но и совершение действий, свидетельствующих о серьезности и реальности такого намерения, например приобретение взрывчатых, биологически опасных, радиоактивных веществ или оружия, совершение «предупреждающих» взрывов и поджогов, выполнение подготовительных действий к отключению жизнеобеспечивающих объектов либо нарушению технологических процессов, блокированию транспортных коммуникаций и т. п. Именно реальность намерения, объективировавшаяся в конкретных действиях, отличает угрозу от высказывания в форме обнаружения умысла и придает ей уголовно-правовой характер³⁷.

Как террористический акт в форме угрозы следует расценивать действия неизвестного, который в 7 часов 37 минут утра позвонил по телефону 02 и заявил, что на крыше коммерческого павильона у платформы № 1 Балтийского вокзала Санкт-Петербурга заложена бомба. Специалисты действительно обнаружили в указанном месте банку с 400 г тротила со вставленной в нее железной трубкой, на которую была накручена записка. В записке содержалось требование закрыть АЗС ТОО «Лилит» и предоставить в определенное место 100 тыс. долларов. В противном случае неизвестный грозился произвести ряд жестоких террористических актов на поездах типа ЭР-200.

В качестве возможных *последствий* ч. 1 ст. 205 указывает на угрозу наступления гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба или иных тяжких последствий³⁸. *Опасность гибели человека* должна носить реальный характер. Причиненный *имущественный ущерб* признается в качестве значительного судебно-следственными органами с учетом конкретных обстоятельств дела.

Иные тяжкие последствия – это сопоставимые, равнопорядковые со значительным имущественным ущербом и гибелью людей последствия (причинение лицу смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, серьезное нарушение деятельности предприятий и учреждений, органов власти и управления, транспорта, заражение местности, распространение эпидемий и т. д.). Реальное причинение легкого вреда здоровью, незначительного имущественного ущерба и иных подобных последствий, не охватываемых понятием «иные тяжкие последствия», следует рассматривать как элемент «создания опасности гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий».

Согласно закону терроризм считается *оконченным* преступлением с момента совершения взрыва, поджога или иных подобных действий либо с момента создания угрозы совершения указанных действий. Фактическое причинение физического вреда, имущественного ущерба

³⁷ См.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 70, 462.

³⁸ Следует подчеркнуть, что в прежней редакции ст. 205 УК речь шла о любых общественно опасных последствиях. Между тем совершенно очевидно, что в силу специфики способов совершения этого преступления (взрыв, поджог и т. д.) по своему характеру последствия при этом могли быть только тяжкие. Более того, сам законодатель, указывая в диспозиции ст. 205 УК на гибель человека, причинение значительного имущественного ущерба как наиболее частые возможные последствия от террористического акта, тем самым определяет и их характер как тяжких. Таким образом, внутреннее рассогласование при описании возможных последствий террористического акта было устранено. Вместе с тем законодатель обоснованно оставил и оценочный признак последствий – иные тяжкие последствия.

и т. д. выходит за пределы основного состава терроризма и либо образует признаки квалифицированных видов терроризма (ч. 3), либо квалифицируется по совокупности ст. 205 и соответствующих статей УК, предусматривающих ответственность за эти деяния (например, ст. 105)³⁹. Угроза наступления соответствующих последствий уже есть определенные объективные изменения в окружающем мире, и поэтому они представляют собой не что иное, как последствия совершенных действий. В связи с этим можно сказать, что по законодательной конструкции терроризм относится к числу *формально-материальных* составов преступлений.

Субъективная сторона террористического акта характеризуется только прямым умыслом. Виновный сознает, что, совершая указанные в законе действия, он создает опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий и желает действовать именно таким образом. О целенаправленном характере совершаемых действий свидетельствует и указание в законе на *специальную цель*: оказание воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

Примечательно, что в ранее действовавшей редакции законодатель указывал на три цели: нарушение общественной безопасности, устрашение населения либо оказание воздействия на принятие решений органами власти. Такое решение в специальной литературе неоднократно подвергалось критике, ибо нарушение общественной безопасности и устрашение населения могли выступать лишь *промежуточными* целями, больше характеризующими суть терроризма, нежели его конечный результат. Нарушение общественной безопасности и устрашение населения не являются тем конечным результатом, к которому стремятся террористы. Но, создавая соответствующую социально-психологическую атмосферу, террористы используют данное состояние как фактор давления на органы власти, принуждая их к нужному поведению или принятию нужных решений. Поэтому реализация целей нарушения общественной безопасности и устрашения населения по своей сути могла быть не самостоятельным элементом, а способом достижения генеральной цели действий террористов – оказание воздействия на принятие решений органами власти. Однако совершенно очевидно, что устрашение населения не может быть целью террористического акта, а является имманентно присущим ему внутренним свойством, отражающим его сущность. Неудачным было и указание на цель нарушения общественной безопасности, поскольку общественная безопасность является объектом этого преступления, а одно и то же явление не может выступать одновременно в качестве характеристики и объективных и субъективных элементов преступления. Таким образом, совершенно обоснованно в законодательном определении террористического акта была оставлена одна цель – оказание воздействия на принятие решений органами власти. Процессуальные сложности установления и доказывания цели оказания воздействия на принятие решений органами власти не должны препятствовать точности формулирования признаков состава терроризма.

Оказание воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями выражается в побуждении, подталкивании соответствующих субъектов к совершению действий, нужных и выгодных для террористов, ради которых они применяют столь изощренные способы, в создании такой ситуации, когда органы власти вынуждены принимать незаконные решения ради обеспечения безопасности граждан и общества. Именно поэтому акты терроризма совершаются в таких местах, где возможны массовые скопления людей, нахождение значимого имущества (на транспорте, в служебных помещениях, зданиях, где проводятся публичные мероприятия, при проведении массовых сборов людей и т. п.). Конкретное

³⁹ Полагаем, что объединение этой формы с реальным совершением взрыва, поджога и т. д. в одной части статьи не совсем удачно, поскольку они различаются не только по характеру, но и по уровню общественной опасности, а в угрозе есть особенность, которая далеко не всегда проявляется, когда мы говорим о форме совершения взрыва и т. д.

содержание нужных решений органов власти может в зависимости от обстоятельств быть различным: предоставление независимости или автономии определенной территории, освобождение заключенных, выполнение иных политических или религиозных требований, имущественное обогащение и т. п.

Отсутствие специальной цели в содеянном исключает квалификацию по ст. 205 УК. Примером тому может служить известное дело С. Он был осужден 20 января 1999 г. Мосгорсудом по ч. 1 ст. 205, ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 223 УК РФ за совершение взрыва мемориальной памятной плиты императорской семьи на Ваганьковском кладбище Москвы. Судебная коллегия Верховного Суда РФ своим определением от 24 марта 1999 г. переквалифицировала действия С. со ст. 205 на ст. 214 и 167 УК РФ на том основании, что он действовал с целью осквернения мемориальной плиты.

Диспозиция ст. 205 УК в редакции Федерального закона от 27 июля 2006 г. привела понятие террористического акта в соответствие с содержанием ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» и правил законодательной техники построения УК.

Во-первых, в новой редакции диспозиции ст. 205 УК более точно сформулирована сущностная характеристика террористического акта (терроризма) – устрашение населения⁴⁰. Это основное свойство всего деяния в целом, в то время как в старой редакции ст. 205 УК данный признак относился к характеристике только субъективной стороны преступления.

Во-вторых, законодатель, помимо указания на воздействие на принятие решения органами власти, продвинулся в этом направлении дальше, назвав еще одного адресата воздействия – международные организации. Таким образом, законодатель видоизменил статус террористического акта и придал ему характер не только внутреннего, но и международного преступления. В международном законодательном опыте государства по-разному решают эту проблему. Одни страны ограничиваются формулировкой одной статьи, которая подразумевает акты как внутреннего, так и международного терроризма. Другие государства (например, США, Республика Беларусь) предусматривают в своем уголовном законодательстве самостоятельные статьи, по которым наступает ответственность за акты международного терроризма. Так, в УК Республики Беларусь помимо ст. 289 (Терроризм), которая располагается в главе 27 «Преступления против общественной безопасности», предусмотрена и ст. 126 (Международный терроризм), находящаяся в главе 17 «Преступления против мира и безопасности человечества». Российский законодатель, как видно, пошел по другому пути и не стал выделять самостоятельную статью о международном терроризме, а прямо обозначил в качестве адресата воздействия международные организации. Обоснованность такого решения покажет судебная практика.

В отличие от цели *мотивы*, которыми должны руководствоваться виновные лица, не являются конститутивными признаками терроризма и поэтому на квалификацию содеянного не влияют. Однако установление мотивов имеет важное значение, поскольку, во-первых, их уголовно-правовое значение связано с влиянием на назначение наказания. В соответствии со ст. 61 и 63 УК они могут быть признаны либо смягчающими, либо отягчающими обстоятельствами и поэтому при наличии условий, указанных в ст. 62, могут существенно повлиять на срок или размер наказания. Во-вторых, установление истинных мотивов позволяет определить психологические корни терроризма, что очень важно как для понимания сущности преступления, так и для выработки мер превентивного характера. По своей мотивацион-

⁴⁰ По мнению А. А. Курбанмагомедова, умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести, так же как и умышленное уничтожение или повреждение имущества, полностью охватываются ст. 205 УК и дополнительной квалификации по статьям, предусматривающим ответственность за преступления против здоровья и собственности, не требуют (см.: Курбанмагомедов А. А. Терроризм на Северном Кавказе: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Махачкала, 2006. С. 50).

ной характеристике терроризм может подразделяться на политический, националистический, религиозный, корыстный и т. п.

Субъект анализируемого преступления – вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста. Однако в современной практике террорист-одиночка встречается чрезвычайно редко. Как правило, такие акции под силу лишь объединенным усилиям группы лиц. В ч. 2 ст. 205 УК в качестве квалифицированного вида терроризма предусмотрено его совершение группой лиц по предварительному сговору. Следовательно, субъектный состав ч. 1 ограничен и может выражаться либо в индивидуально действующем лице, либо в группе лиц без предварительного сговора, когда все участники выступают в качестве исполнителей (ч. 1 ст. 35 УК).

Квалифицированными видами террористического акта, предусмотренными ч. 2 ст. 205 УК, являются совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или с применением огнестрельного оружия.

Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору (п. «а») является более опасным видом преступления, поскольку оно выполняется в соучастии. В соответствии с ч. 2 ст. 35 УК преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Соглашение между соучастниками на совершение террористического акта должно состояться до начала совершения взрыва, поджога и иных действий. При этом совершение преступления по предварительному сговору группой лиц может рассматриваться как квалифицированный вид только в тех случаях, когда соучастники действуют как соисполнители. Если же в группе выделяются организаторы, пособники и подстрекатели, которые не принимают непосредственного участия в совершении террористического акта, то содеянное требует дополнительной ссылки на ст. 33 УК.

Под применением огнестрельного оружия (п. «в») следует понимать использование в процессе террористического акта специальных предметов, предназначенных для механического поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда (винтовки, карабины, пистолеты, автоматы, охотничьи ружья и т. д.), для причинения физического вреда потерпевшим, разрушения различных объектов либо в качестве средства психологического давления, устрашения потерпевших, когда создается реальная возможность наступления таких последствий. Не являются огнестрельным оружием газовые, сигнальные, стартовые, строительно-монтажные пистолеты и револьверы. Однако если они приспособляются для поражения живой цели, то приобретают статус оружия. Следует отметить, что в доктрине уголовного права выделение этого квалифицирующего признака оценивается критически⁴¹. На самом деле, получается некая алогичность: применение огнестрельного оружия и, например, поджога, по мысли законодателя, оказываются более опасными, нежели применение взрывчатых веществ и взрывных устройств, способных повлечь массовые по своему характеру последствия, хотя общеизвестно, что поражающие свойства последних практически всегда намного превосходят поражающие свойства огнестрельного оружия.

Особо квалифицированными видами террористического акта, предусмотренными ч. 3 ст. 205 УК, признаются совершение преступления организованной группой, причинение в результате террористического акта по неосторожности смерти человеку или иных тяжких последствий или сопряженность с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ.

⁴¹ По С. И. Ожегову, терроризм – это устрашение террором, насилием, запугивание чем-нибудь, поддержание состояния постоянного страха (см.: *Ожегов С. И. Указ. соч. С. 691*).

Совершение террористического акта организованной группой является особо опасным видом рассматриваемого преступления в силу того факта, что оно совершается устойчивой группой лиц, предварительно объединившихся для террористического акта. При этом вне зависимости от того, какую роль выполняло входящее в такую группу лицо, действия всех участников организованной группы квалифицируются только по ч. 3 ст. 205 УК РФ.

Причинение по неосторожности смерти человеку или иных тяжких последствий. Особенностью нового УК является то обстоятельство, что причинение при террористическом акте такого тяжкого последствия, как смерть человека, может совершаться лишь по неосторожности. Это вытекает из требований ч. 2 ст. 24 УК, в соответствии с которой деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК. Вместе с тем это не означает, что при террористическом акте невозможно умышленное причинение смерти, но в таких случаях содеянное требует дополнительной квалификации по ст. 105 УК. Необходимость такой квалификации вытекает из законодательного установления равноценности личности и общества как объектов уголовно-правовой охраны и, следовательно, их самостоятельного характера.

Понятие «иные тяжкие последствия» как особо квалифицированный вид преступления против общей безопасности в действующем законодательстве не раскрывается и поэтому должно толковаться правоприменителем в каждом конкретном случае индивидуально с учетом всех обстоятельств дела. К тяжким последствиям следует относить причинение двум или более лицам средней тяжести вреда здоровью или тяжкого вреда здоровью одному лицу, причинение крупного материального ущерба, длительные остановки работы транспорта, серьезное нарушение деятельности предприятий и организаций, химическое или радиоактивное заражение окружающей среды, распространение эпидемий, обострение межнациональных отношений и т. п.

Федеральным законом от 9 февраля 1999 г. особо квалифицированный вид террористического акта был дополнен таким признаком, как его *сопряженность с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения*. Особая общественная опасность данного вида террористического акта обусловлена особыми свойствами предмета посягательства либо используемых средств совершения преступления. В обоих случаях речь идет о разрушительных свойствах физических источников, способных мгновенно причинить тяжкий вред на значительной территории и большому числу людей. Как следует из Федерального закона от 21 ноября 1995 г. «Об использовании атомной энергии», к числу *объектов атомной энергии* относятся: сооружения и комплексы с ядерными реакторами, в том числе атомные станции, суда и другие плавсредства, космические и летательные аппараты, другие транспортные и транспортабельные средства; сооружения и комплексы с промышленными, экспериментальными и исследовательскими ядерными реакторами, критическими и подкритическими ядерными стендами; сооружения, комплексы, полигоны, установки и устройства с ядерными зарядами для использования в мирных целях; другие содержащие ядерные материалы сооружения, комплексы, установки для производства, использования, переработки, транспортирования ядерного топлива и ядерных материалов; места нахождения комплексов, установок, аппаратов, оборудования и изделий, в которых содержатся радиоактивные вещества или генерируется ионизирующее излучение; стационарные объекты и сооружения, предназначенные для хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, хранения или захоронения радиоактивных отходов.

Ядерные материалы представляют собой материалы, содержащие или способные воспроизвести делящиеся (расщепляющиеся) ядерные вещества. *Радиоактивные вещества* — это вещества, испускающие ионизирующее излучение. К *источникам радиоактивного излуче-*

ния относятся комплексы, установки, аппараты, оборудование и изделия, в которых содержатся радиоактивные вещества или генерируется ионизирующее излучение⁴².

В новой редакции ст. 205 УК в качестве предметов, использование которых при совершении актов терроризма резко повышает общественную опасность содеянного, предусмотрены также ядовитые, отравляющие, токсичные, опасные химические или биологические вещества (см. комментарий к ст. 234, 355, 356 УК). Такое законодательное решение представляется вполне обоснованным, поскольку последствия от использования этих веществ могут быть ничуть не меньше, чем от предусмотренных ранее ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения.

Одновременно следует отметить спорность позиции законодателя, определившего в одной части статьи такие разные по уровню общественной опасности признаки, как совершение деяний организованной группой, повлекших по неосторожности тяжкие последствия, либо сопряженных с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ.

Несомненно, последний квалифицирующий признак обладает гораздо большим уровнем общественной опасности по сравнению с двумя предыдущими, и более логичнее было бы выделение его в отдельную часть статьи.

В формировании системы противодействия терроризму важно использовать все возможные средства правового воздействия, отражающие позитивный потенциал действующего права. В связи с этим важное предупредительное значение имеет *примечание* к ст. 205 УК, которое содержит *поощрительную норму*. Данная норма дает возможность лицу добровольно отказаться от совершения террористического акта без боязни быть привлеченным к уголовной ответственности, а соответствующим правоохранительным органам реализовывать данное право в рамках уголовного закона. Примечание к ст. 205 УК распространяется как на индивидуально участвующее лицо, так и на лицо, действующее в составе группы⁴³.

Мы полагаем необоснованным высказываемое в литературе мнение об ограничении применения данного примечания в отношении единоличной подготовки к акту терроризма (В. И. Радченко). Добровольный отказ от совершения преступления, предусмотренный ст. 31 УК РФ, как институт Общей части носит универсальный характер, т. е. распространяется на все случаи совершения преступления, кроме тех, которые специально оговорены в Особенной части. Примечание к ст. 205 УК РФ обладает статусом специального вида освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного Особенной частью УК. В случаях соблюдения соответствующих условий оно распространяется на всех лиц, причастных к совершению именно этого преступления. В данном случае мы имеем дело с конкуренцией общей (ст. 31 УК) и специальной (примечание к ст. 205 УК) нормы, которая разрешается по правилам квалификации в пользу специальной нормы. При индивидуально действующем лице освобождение от ответственности наступает при совершении преступления как в случаях пассивной (непродолжение подготовки акта), так и при активной форме отказа (устранение последствий своих действий по подготовке, сообщение о намечающемся акте соответствующим органам и т. д.). При групповой подготовке террористического акта отказ одного из соучастников (кроме исполнителя) возможен только в активной форме.

Согласно закону освобождение лица от уголовной ответственности возможно при наличии двух обязательных условий: а) своевременного предупреждения органов власти или иного

⁴² См., напр.: Милоков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 245; Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб., 2006. С. 366–368.

⁴³ См.: Российская газета. 1995. 28 нояб.

способствования предотвращению осуществления акта терроризма и б) отсутствия в действиях лица иного состава преступления. *Своевременным* предупреждением следует считать такое предупреждение органов власти, которое предоставляет им реальную возможность предотвратить грозящий террористический акт. *Органы власти* – это любые государственные и общественные органы, имеющие отношение к борьбе с преступностью, обеспечению общественной безопасности и предотвращению чрезвычайных происшествий. *Иное способствование* может выражаться в выполнении виновным любых действий, имеющих целью недопущение террористического акта (изъятие или разрядка взрывного устройства, увод людей с места совершения преступления или предупреждение их о возможном взрыве, поджоге и т. п.). При этом предупреждение обязательно должно носить добровольный характер, т. е. происходить по инициативе самого виновного лица. Причины, в силу которых лицо принимает такое решение, юридического значения не имеют. Это могут быть и угрызения совести, и страх перед разоблачением, и влияние религиозных мотивов, и давление родственников и близких, и т. д.

Принципиальное значение имеет решение вопроса о правовых последствиях добросовестной, но неудачной попытки предотвращения террористического акта. Мы полагаем, что, если лицо совершило все необходимые в данной конкретной обстановке действия, но по причинам, от него не зависящим (недостаточная квалификация саперов или их отсутствие на момент разминирования, неблагоприятные погодные условия и т. п.), предотвратить террористический акт не удалось, на данное лицо должно распространяться действие примечания к ст. 205 УК РФ. В случаях наличия в действиях лица состава иного преступления, например хищения взрывчатых веществ, оно освобождается от ответственности по ст. 205, но подлежит наказанию по ст. 226 УК РФ.

Отсутствие в действиях лица иного состава преступления не означает отсутствия какого бы то ни было состава преступления вообще, как условия освобождения по ст. 205 УК. Понятно, что при совершении взрыва, поджога и т. д. действия лица, по общему правилу, подпадают под признаки ст. 222, 223 или 226 УК. В данном примечании мысль законодателя выражается в том, что *полное* освобождение лица от уголовной ответственности возможно только тогда, когда оно своевременно предупреждает органы власти о террористическом акте или иным образом способствует предотвращению осуществления акта терроризма и в его действиях отсутствуют признаки иного (помимо предусмотренного в ст. 205) состава преступления. Если же при наличии первого условия в действиях лица усматриваются признаки иного состава преступления (ст. 222, 223, 226, 112, 116 УК и др.), то лицо освобождается от ответственности по ст. 205 УК, но подлежит уголовной ответственности по тем статьям УК, в которых предусматриваются признаки этого иного (иных) состава преступления.

Террористический акт, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 205 УК, имеет ряд объективных и субъективных признаков, сближающих его со *смежными* составами преступлений (ст. 277, 281, 105, 317 УК и др.). Для посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля и диверсии характерна направленность на подрыв конституционного строя и безопасности государства, что находит свое выражение в ином, нежели при террористическом акте, характере и содержании цели. Если при террористическом акте совершение взрывов, поджогов и иных действий сопряжено с устрашением населения в широком смысле этого слова, то в государственных преступлениях, причиняя смерть или вред здоровью, виновное лицо ставит перед собой задачу иного содержания – причинить вред государству как форме организации общества. К тому же при диверсии главное не столько причинить вред физический, сколько материальный и организационный.

От посягательств на личность, собственность, порядок управления и т. п. анализируемое преступление отличается тем, что причинение вреда названным объектам является способом совершения террористического акта и рассматривается виновными как промежуточный, но необходимый этап в достижении конечной цели, которую преследует виновное лицо.

Применение в этом случае общеопасного способа обусловлено не столько стремлением виновного причинить вред как можно большему кругу охраняемых интересов, сколько желанием лица добиться максимальной эффективности своего деяния. К тому же при убийстве общеопасным способом потерпевшие индивидуально определены, и виновные желают причинить смерть именно этим лицам, а при уничтожении или повреждении имущества – уничтожить или повредить именно это, а не другое имущество. При террористическом акте собственно личность потерпевшего или характер и принадлежность имущества не интересуют преступника, ему важно путем нарушения общественной безопасности, устрашения населения вынудить органы власти к совершению или, наоборот, несомнению определенного действия. Если террористические акты совершаются бандой, то содеянное подлежит дополнительной квалификации по ст. 209 УК.

Б. Содействие террористической деятельности (ст. 205¹ УК)

В течение 2000–2006 гг. Россия ратифицировала ряд международных конвенций о борьбе с терроризмом, в том числе Международную конвенцию ООН о борьбе с финансированием терроризма (принятую в Нью-Йорке 9 декабря 1999 г.) и Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г.⁴⁴ Во исполнение международных обязательств Федеральным законом от 24 июля 2002 г. в УК РФ и была введена ст. 205¹ УК⁴⁵.

27 июля 2006 г. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”»⁴⁶ ст. 205¹ УК была видоизменена. Прежде всего было уточнено наименование этой статьи. Вместо ранее существовавшего названия «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению» статья теперь именуется «Содействие террористической деятельности». Это уточнение было обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, по сравнению с ранее употреблявшимся термином «вовлечение» вновь примененный термин «содействие» является более широким и включает в себя вовлечение, вербовку и другие подобные действия.

Во-вторых, Федеральным законом от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» из нормативного лексикона было исключено понятие «преступление террористического характера», а вместо этого было введено и легально истолковано понятие «террористическая деятельность». Таким образом, было необходимо привести УК РФ в соответствие с Федеральным законом от 6 марта 2006 г.

В-третьих, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2006 г. прямо предписывает государствам-участникам криминализировать вербовку лица для совершения преступлений террористической направленности. Таким образом, новое наименование ст. 205¹ УК более точно отражает содержание диспозиции этой статьи.

Объективная сторона содействия террористической деятельности выражается в совершении следующих альтернативных форм поведения:

а) склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК;

⁴⁴ См.: Комментарий к УК РФ. М., 1996. С. 355.

⁴⁵ В специальной литературе высказывается мнение о том, что наличие ст. 205¹ в УК России излишне (см.: Дикаев С. У. Указ. соч. С. 414–417).

⁴⁶ См.: Федеральный закон от 20 апреля 2006 г. «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» // СЗ РФ. 2006. № 17 (ч. 1). Ст. 1785.

б) вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ преступлений;

в) финансирование терроризма.

Согласно ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. под *террористической деятельностью* следует понимать деятельность, включающую в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности⁴⁷.

Признаки, характеризующие объективную сторону в диспозиции ст. 205¹ УК в новой редакции, подверглись существенным изменениям. Во-первых, в соответствии с требованиями Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2006 г. в качестве уголовно наказуемой формы этого преступления появилась новая – вербовка лица для совершения описанных в статье преступлений. Данный термин является общепринятым, означает деятельность по привлечению граждан для выучки и участия в совершении указанных в статье преступлений и используется в ряде международных актов⁴⁸. Во-вторых, вместо понятия «обучение», характеризующего одну из самостоятельных форм деяния, предусматривается более широкий термин «подготовка», который включает в себя и обучение. В-третьих, законодатель расширил круг деяний: склонение, вербовка или иное вовлечение, а равно вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений образуют содействие террористической деятельности. К предусмотренным ранее ст. 205, 206, 208, 211, 277 и 360 добавлены три статьи, предусматривающие ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), насильственный захват или насильственное удержание власти (ст. 278) и вооруженный мятеж (ст. 278). Последнее законодательное решение несколько выпадает из логики одинакового толкования понятия террористической деятельности в УК РФ и ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму». В данной статье Закона в формах проявления террористической деятельности посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват или насильственное удержание власти и вооруженный мятеж не названы, в то время как УК РФ относит эти преступления к разновидностям террористической деятельности.

В-четвертых, в новой редакции диспозиции ст. 205¹ УК исключено указание на террористическую организацию. Сделано это в целях соблюдения соответствия положений УК РФ и Федерального закона от 6 марта 2006 г., который в ст. 3 не выделяет в качестве самостоятельного понятия «террористическая организация»⁴⁹. По идеологии нового Закона организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие

⁴⁷ См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3452.

⁴⁸ См., напр.: Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (протокол I).

⁴⁹ См.: Там же. Ст. 1146.

в такой структуре образуют одну из форм террористической деятельности (ст. 3 Закона). Поэтому необходимость в самостоятельном выделении этого признака отпала.

Под *склонением* к совершению перечисленных выше преступлений понимаются умышленные действия, направленные на возбуждение у другого лица желания совершить хотя бы одно из названных преступлений.

Вербовка означает деятельность по привлечению граждан к совершению или участию в совершении вышеперечисленных террористических преступлений или к присоединению к какому-либо объединению или группе с целью содействия совершению этим объединением или группой одного или нескольких террористических преступлений.

Иное вовлечение включает в себя разнообразные формы, не охватываемые понятиями «склонение» и «вербовка». Законодатель ограничивает круг преступлений, склонение, вербовка или иное вовлечение в совершение которых образуют форму преступления: террористический акт, захват заложника, организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, вооруженный мятеж и нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой. Вовлечение в совершение иных преступлений квалифицируется по иным статьям УК.

Вовлечение и склонение могут выражаться только в активных действиях. Способы выполнения вовлечения и склонения могут быть различными – уговоры, обещание, подкуп, обман, психическое или физическое насилие, возбуждение чувства мести, зависти, ненависти и т. д. Однако следует иметь в виду, что многообразие способов не обязательно означает необходимость совершения многократных действий.

Вооружение связано с поставкой и обеспечением лица средствами поражения людей или уничтожения материальных объектов – огнестрельным и холодным оружием, боевой техникой, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами и т. д.

Подготовка выражается в инструктировании по вопросам изготовления или использования взрывчатых веществ, огнестрельного или иного оружия, ядовитых или вредных веществ, или по вопросам других конкретных методов или приемов в целях совершения или содействия совершению террористического преступления и т. д.

Финансирование терроризма как разновидность террористической деятельности означает предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205¹, 205², 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений (примечание 1 к ст. 205¹ УК)⁵⁰. Такое законодательное решение в целом, несомненно, будет способствовать правильному применению данной статьи, поскольку оно исключает возможность произвольного толкования этого признака в судебно-следственной практике.

⁵⁰ Согласно ст. 24 Федерального закона РФ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность – запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных ст. 205–206, 208, 211, 277–280, 282¹, 282² и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей. Решение суда о ликвидации организации (запрете ее деятельности) распространяется на региональные и другие структурные подразделения организации. Решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. признана террористической и запрещена на территории РФ деятельность 15 организаций, в том числе таких, как «База» («Аль-Каида»), «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»), «Движение Талибан» и др.

Преступление *окончено* с момента выполнения любой из указанных альтернативных форм действий.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Вооружение и подготовка лица должны осуществляться в целях совершения преступления, предусмотренного ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК.

Субъект преступления – лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Квалифицированным видом преступления является совершение деяния с использованием своего служебного положения (см. комментарий к ч. 3 ст. 209 УК).

В примечании 2 к ст. 205¹ УК законодатель предусматривает поощрительную норму – возможность освобождения от уголовной ответственности за данное преступление при соблюдении следующих условий: если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало, и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Характеристика условий применения данного примечания не отличается от той, которую мы уже дали при анализе ст. 205 УК.

В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205² УК)

Данная статья была введена Федеральным законом от 27 июля 2006.⁵¹ Ее включение в УК РФ отчасти обусловлено необходимостью выполнения Российской Федерацией своих международных обязательств. Согласно ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2006 г. должно быть криминализовано публичное подстрекательство к совершению преступлений террористической направленности, под которым понимается распространение или иное представление какого-либо обращения к общественности в целях побуждения к совершению террористического преступления, когда такое поведение, независимо от того, пропагандирует оно или нет непосредственно террористические преступления, создает опасность совершения одного или нескольких подобных преступлений. В международной практике нередко в качестве самостоятельных преступлений выделяются подготовка к совершению какого-либо преступления, организация, пособничество или подстрекательство к какому-либо преступлению. В российском законодательстве такого рода действия не образуют самостоятельных преступлений, а квалифицируются со ссылкой на ст. 30 или 33 и соответствующую статью Особенной части УК. Поэтому нельзя говорить о чистой криминализации публичного подстрекательства, поскольку и ранее такие действия образовывали преступление, квалифицируемое по ст. 33 и ст. 205, 206 и т. д.

Объективная сторона преступления выражается в совершении любой из следующих альтернативных форм: а) публичных призывах к осуществлению террористической деятельности; б) публичном оправдании терроризма.

Понятие *террористической деятельности* дается в ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму», о чем мы уже писали выше.

Призывы – это обращение в целях возбуждения желания совершения определенных действий у части населения. Согласно прямому указанию закона они должны носить *публичный* характер, т. е. совершаться в присутствии не менее двух лиц (на собраниях, митингах и т. д.). Если же призывы к осуществлению террористической деятельности адресованы одному лицу

⁵¹ См.: Магомедов Д. Д. Противодействие финансированию терроризма: значение зарубежного опыта для российского законодательства. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

и совершаются в присутствии только его одного, то тогда уголовно-правовая характеристика будет иной – ст. 33 и ст. 205, 206 и т. д. УК. Обязательным условием ответственности по ст. 205² УК является направленность призывов на совершение именно и только террористической деятельности.

Публичное оправдание терроризма является второй формой рассматриваемого преступления и означает публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании (примечание к ст. 205² УК).

Полагаем, что криминализация публичного оправдания терроризма проведена без учета весьма важных обстоятельств. Применительно к публичным призывам уголовно-правовая наука и судебная практика нарабатывали определенный опыт толкования признаков этого преступления и применения соответствующих статей. Иначе обстоит дело с публичным оправданием. В частности, вызывает серьезные сомнения обоснованность криминализации такой деятельности. Уголовный закон социально обусловлен и должен создаваться не «на всякий случай» и не «про запас», а выражать реальные потребности общества в уголовном запрете и более или менее адекватно отражать их в уголовно-правовой норме. Необходимым условием в этих случаях является соблюдение принципов и критериев криминализации, в частности, четкости, устойчивости и определенности правовых предписаний⁵². Как представляется, примененный законодателем термин «оправдание» не обладает вышеуказанными свойствами, поскольку не имеет четких границ и может быть насыщен различными оттенками, начиная от выражения понимания причин определенного поведения и заканчивая выражением прямой поддержки такого поведения. Поэтому на практике будет трудно провести разграничение между оправданием терроризма и реализацией конституционного права граждан на выражение своего мнения. И даже законодательное определение публичного оправдания не дает полной уверенности в том, что в судебной практике будут исключены случаи произвольного толкования закона в силу отсутствия в нем точных критериев отграничения преступного от непроступного (поддерживающего от сочувственного и понимающего).

Следует отметить и такой недостаток законодательной формулировки данной цели, как ее необоснованно зауженный характер. В качестве объекта воздействия законодатель указал лишь на органы власти, однако реально давление может оказываться и на другие объекты: иностранные государства и международные организации (например, при международном терроризме), физических или юридических лиц, должностных лиц.

Преступление *окончено* с момента выполнения любой из указанных форм (формальный состав).

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом.

Субъект преступления – лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Квалифицированным видом преступления является совершение деяния с использованием средств массовой информации.

Г. Захват заложника (ст. 206 УК)

В уголовное законодательство нашего государства норма о захвате заложника пришла из международного права, в соответствии с которым захват заложника классифицировался как преступление международного характера⁵³. В международной практике случаи захвата заложников встречались еще в древние времена. Во второй половине XX в. это явление полу-

⁵² См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1).

⁵³ Подробнее об этом см.: *Комиссаров В.* Захват заложников: происхождение нормы, вопросы совершенствования // *Закононость.* 1995. № 3.

чило распространение в деятельности различных террористических групп Германии, Италии, Франции, Испании, в том числе когда граждане одних государств захватывали граждан других государств. В нашей стране, начиная со второй половине 90-х годов, всплески этого преступления отмечаются в местах лишения свободы и районах Северного Кавказа. В России в 2006 г. было зарегистрировано 22 случая захвата заложника. При этом в современной практике захват заложников сопровождается не только политическими требованиями, но и нередко требованиями материального характера (вымогательство имущества, денег).

Учитывая характер и степень общественной опасности захвата заложника, законодатель относит его к числу тяжких преступлений, а при квалифицирующих обстоятельствах – к особо тяжким. Это преступление нарушает общественную безопасность, ставит под угрозу жизнь и здоровье нередко значительного числа лиц, ограничивает личную свободу и нарушает безопасность и неприкосновенность человека, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах и гарантированные ст. 22 Конституции Российской Федерации. Относясь к числу транснациональных, конвенционных преступлений, захват заложника может также причинять вред деятельности России в сфере межгосударственных отношений.

Объект преступления – совокупность общественных отношений, регламентирующих основы (коренные интересы) обеспечения безопасных условий существования общества.

Новая редакция статьи об ответственности за захват заложника подверглась существенным корректировкам по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Прежде всего это касается определения круга потерпевших. В ст. 206 УК РФ 1996 г. законодатель говорит не о заложниках, а об одном заложнике, что следует признать более точным как с точки зрения юридической техники, так и сущности самого преступления. Буквальное толкование данной нормы в УК РСФСР 1960 г. ограничивало захват только случаями, когда потерпевшими могли быть два и более лиц. Новая редакция нормы о захвате данный пробел устранила и в настоящее время позволяет привлекать к ответственности виновных вне зависимости от того, какое количество лиц было захвачено.

В судебной практике чаще всего в качестве заложников оказываются родственники осужденных и сотрудники учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, участники массовых мероприятий, пассажиры различных видов транспорта и т. д. Так, четверо осужденных, находящихся в следственном изоляторе МВД Бурятии, в целях избежания отбывания наказания захватили работницу следственного изолятора и под угрозой расправы над ней потребовали от администрации изолятора предоставить им автомашину с полным баком бензина и выпустить из изолятора. Во время посадки в автомобиль заложница была освобождена, а трое преступников ранены.

Объективная сторона захвата заложника определяется в диспозиции ст. 206 УК в форме *активных действий* – захвата или удержания лица в качестве заложника. Следовательно, основное свойство данного преступления выражается в характеристике понятий захвата или удержания. В связи с этим принципиальным является определение содержания упомянутых понятий.

В редакции УК РСФСР 1960 г. объективная сторона захвата определялась как захват или удержание лица в качестве заложника, соединенные с угрозой убийством, причинением телесных повреждений или дальнейшим удержанием этого лица. Выделение в качестве обязательного самостоятельного элемента, наряду с захватом или удержанием, также и психического насилия дало некоторым исследователям основание для широкого толкования понятия захвата или удержания. В частности, под захватом заложника они понимают совершенное открыто, тайно, с применением насилия или угрозы его применения либо без такового противоправное ограничение свободы хотя бы одного человека с последующим открытым сообщением об этом и выдвиганием условий освобождения захваченного (А. В. Наумов). Некоторые авторы пола-

гают, что захват сопряжен с неправомерным физическим ограничением свободы человека, но одновременно допускают, что он может осуществляться тайно или открыто, без насилия или с насилием неопасным (ч. 1 ст. 206) либо опасным (ч. 2 ст. 206) для жизни или здоровья (С. В. Дьяков)⁵⁴. Следует также отметить, что указанные авторы допускают возможность тайных или даже обманных действий только при захвате заложника. Применительно к удержанию заложника они прямо говорят о насильственном характере соответствующих действий. Однако большинство авторов считает, что захват – это насильственные действия⁵⁵.

По нашему мнению, определяя характер захвата и удержания, необходимо учитывать три обстоятельства. Во-первых, этимологическое происхождение и смысловую нагрузку этих слов. В русском языке слово *захват* (захватить) означает «силой овладеть кем-, чем-нибудь», а *удержание* (удержать) – «сдержав, остановить или заставить остаться»⁵⁶. В этом смысле основной неотъемлемой характеристикой захвата и удержания является их насильственный характер.

Во-вторых, необходимо учитывать связь объекта и объективной стороны рассматриваемого преступления. Это не преступление против свободы личности, а преступление против общественной безопасности, характерным признаком которого является создание угрозы причинения вреда или причинение вреда неопределенно широкому кругу лиц. Такое становится возможным благодаря именно общепаспному способу совершения преступления – применению насилия.

В-третьих, термин «захват» используется не только при характеристике состава захвата заложника, но и в ст. 211 УК, относительно которой имеется разъяснение в международных документах. Так, согласно Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 16 декабря 1970 г.), под преступником понимается: «Любое лицо на борту воздушного судна, находящегося в полете, которое: а) незаконно, путем насилия или угрозы применения насилия, или путем любой другой формы запугивания захватывает это воздушное судно, или осуществляет над ним контроль, либо пытается совершить любое такое действие, или б) является соучастником лица, которое совершает или пытается совершить любое такое действие, совершает преступление (в дальнейшем именуемое «преступление»)».

Поэтому в уголовно-правовом смысле под *захватом* следует понимать незаконное насильственное ограничение свободы передвижения человека⁵⁷, а под *удержанием* – незаконное насильственное воспрепятствование в оставлении лицом определенного места нахождения. Указанный подход не исключает возможности ограничения физической свободы на первоначальном этапе тайно, без применения насилия или путем обмана. Однако для признания содеянного захватом заложника необходимо, чтобы состоялся сам захват или удержание заложника. О состоявшемся захвате заложника можно говорить только тогда, когда заложник, окружающие лица осознают факт незаконного ограничения свободы передвижения либо воспрепятствования лицу в таком передвижении и вынуждены подчиниться виновным под влиянием применения насилия или угрозы его применения.

Захват чаще всего сопряжен с перемещением заложника в другое место, а для удержания, наоборот, характерно оставление заложника там, где он находился до начала соответствующих неправомерных действий. Захват может сопровождаться последующим удержанием потерпевшего, но может быть и без него. В свою очередь удержание как самостоятельный альтернативный элемент деяния не обязательно должен быть следствием захвата. Преступление может

⁵⁴ См.: Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1: Преступление. Владивосток, 1999. С. 62 и след.

⁵⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999. С. 499.

⁵⁶ См.: *Ожегов С. И.* Указ. соч. М., 1986. С. 194, 717.

⁵⁷ Более широкую трактовку понятию «захват» дают О. Ю. Резепкин и И. А. Журавлев. По их мнению, под захватом заложника необходимо понимать любые противоправные насильственные действия, связанные с изъятием человека или группы лиц из его (их) микросреды помимо его воли с целью последующего удержания (см.: *Резепкин О. Ю., Журавлев И. А.* Захват заложника. Уголовно-правовая регламентация проблемы. М., 2003. С. 53).

начинаться с удержания лица в определенном месте. Именно поэтому, описывая объективную сторону преступления, законодатель использует разъединительный союз «или».

Новеллой по сравнению с УК РСФСР 1960 г. является также то обстоятельство, что при совершении простого захвата возможно применение как психического, так и физического насилия. Однако пределы такого насилия по своему характеру ограничены, и оно не может выходить за рамки насилия, не опасного для жизни или здоровья. Такой вывод следует из сопоставительного анализа простого и квалифицированного вида этого преступления, где применение насилия, опасного для жизни или здоровья, является одним из обстоятельств, влияющим на квалификацию и назначение наказания. Понятие *насилия, не опасного для жизни и здоровья*, известно действующему законодательству. Оно используется в качестве обязательного признака в ряде составов преступлений, например при описании состава грабежа.

В соответствии со сложившейся судебной практикой под таким насилием понимаются побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)⁵⁸. Психическое насилие – это угроза применения любого по характеру насилия. УК 1960 г. ограничил пределы психического насилия лишь угрозой убийством, причинением телесных повреждений или дальнейшим удержанием заложника. В новом УК характер угрозы вообще не определяется, и это, на наш взгляд, совершенно обоснованно, поскольку важно не столько то, каким насилием угрожает виновный, а то, насколько может данная угроза повлиять на потерпевшего или иных лиц. Поэтому *психическое насилие* при захвате заложника может выражаться не только в угрозе причинения вреда здоровью или смерти, изнасилования или совершения мучительных действий, не повлекших причинение вреда здоровью, но и в угрозе уничтожения или повреждения имущества, разглашения каких-либо сведений, огласки которых потерпевший не желает, воспрепятствования занятию какой-либо деятельностью и т. п.

Формы выражения угрозы могут быть различными: словесно (в том числе и в неопределенном виде – типа «побью, плохо будет»), в демонстрации предметов, которые могут быть использованы для реализации высказанной угрозы, включая и устрашающие (кроме оружия и предметов, используемых в качестве оружия), в показе действия едких, ядовитых или легко воспламеняющихся веществ и т. д. Вместе с тем во всех случаях угроза (психическое насилие) должна быть реальной и осуществимой, поскольку только в этих случаях она может выступать в качестве средства, парализующего возможное сопротивление заложника или иных лиц.

Захват или удержание заложника для виновного является одним из промежуточных, но обязательных этапов в достижении поставленной цели. При захвате одним из признаков этого преступления является *возможность предъявления каких-либо требований* государству, организации или гражданину. Однако по смыслу закона реальное предъявление таких требований не является обязательным условием. В некоторых случаях захват может и не сопровождаться такими требованиями, например, в случаях, когда преступление было пресечено и виновные не успели их предъявить. Законодатель говорит о цели предъявления требований, но это не значит, что требование обязательно должно быть предъявлено. В то же время в таких случаях судебно-следственным органам необходимо устанавливать наличие у преступников намерения предъявить соответствующие требования. Отсутствие или недоказанность наличия такого намерения исключает возможность квалификации действий виновных по ст. 206 УК.

⁵⁸ См.: Курс российского уголовного права. Особенная часть. М., 2002. С. 526; Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2005. С. 620; *Овчинникова Г. В., Павлик М. Ю., Коршунова О. Н.* Захват заложника. СПб., 2001. С. 46.

Законодатель описывает требования, которые могут предъявить захватчики, в общей форме: совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия. Вместе с тем эти требования неразрывно связаны с решением вопроса о судьбе заложников. Их освобождение виновные обуславливают выполнением предъявленных требований. По характеру предъявляемые *требования* могут быть различными: отказ от выполнения определенных обязательств, освобождение лица от должности или, наоборот, принятие на работу, освобождение арестованного или осужденного, требование выезда за границу, предоставления оружия, транспорта, денег, наркотиков и т. п. Конкретный характер или особенность требований на квалификацию влияния не оказывают.

Так, Верховным судом Дагестана были осуждены к различным срокам лишения свободы Ч. и Д., которые захватили пассажирский автобус «Икарус», следовавший по маршруту Махачкала – Минеральные Воды. В обмен на освобождение заложников – пассажиров автобуса – они потребовали 1, 5 млн долларов.

Исключением являются лишь случаи, когда требования носят правомерный характер. Стремление лица к защите своих законных прав и интересов здесь сочетается с нарушением установленного порядка защиты таких интересов. Поэтому такого рода действия следует рассматривать в некоторых случаях как самоуправство с соответствующей квалификацией по ст. 330 УК РФ⁵⁹.

В соответствии с законом *адресатом* требований может быть государство, организация или гражданин. Под *государством* в данном случае следует понимать как собственно государство (Россия, Украина, Германия, Франция и т. д.), так и различные государственные органы, выступающие от имени государства (органы власти и управления, учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества, судебные органы, органы МВД и т. д.). Под *организацией*, на наш взгляд, следует понимать не только юридические лица в смысле гражданских правоотношений (ст. 48 ГК), но и юридически не оформленные структуры (советы, ассоциации, преступные группировки и т. д.). Характер организации – международная или национальная, коммерческая или некоммерческая, хозяйственные товарищества и общества, кооперативы либо государственные и муниципальные унитарные предприятия, общественные или религиозные организации и т. п. – на квалификацию содеянного не влияет. *Граждане* – это близкие родственники, друзья, сослуживцы заложника или любые иные лица.

Захват заложника по своей конструкции описывается в законе как *формальный* состав преступления. Поэтому он будет окончен с момента фактического ограничения свободы передвижения человека либо фактического воспрепятствования лицу в оставлении определенного места независимо от того, были ли предъявлены какие-либо требования соответствующим субъектам и были ли они выполнены или нет. Продолжительность времени, в течение которого заложник был лишен возможности свободного передвижения или удерживался в определенном месте, на квалификацию содеянного как захвата заложника не влияет. Вместе с тем, как будет показано ниже, последующее поведение виновных лиц имеет принципиальное значение для их ответственности.

С *субъективной стороны* захват заложников характеризуется прямым умыслом и специальной целью. Осуществляя свои действия, виновное лицо осознает, что оно совершает захват заложника в целях принуждения конкретных адресатов к выполнению или воздержанию от выполнения определенных действий как условия освобождения заложника; предвидит возможность или неизбежность причинения вреда заложнику или иным лицам и организациям, которым адресуется данное требование, в результате его действий и желает действовать именно таким образом.

⁵⁹ См.: п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. (в редакции от 6 февраля 2007 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5.

Специальная цель, с которой действует виновное лицо, заключается в выполнении или, наоборот, невыполнении со стороны конкретных адресатов определенных действий, нужных виновному. Указанные действия оказываются настолько значимыми для виновных лиц, что они избирают заведомо опасные для окружающих способы достижения своей цели. При этом захват заложников рассматривается виновными не как самоцель, а как первый и необходимый этап в достижении генеральной, конечной цели. Поэтому применение психического или физического насилия, ограничение свободы в отношении заложника (заложников) осознаются виновными как побочное, но неизбежное и наиболее эффективное средство давления на определенного адресата. Одновременно виновные лица осознают, что в результате их действий по захвату или удержанию заложника вред причиняется не только заложнику, но и иным потерпевшим.

В зависимости от характера вреда, причиненного заложнику или иным лицам, содеянное квалифицируется по соответствующей части ст. 206 УК и в дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против личности не нуждается. Исключением является лишь умышленное причинение смерти, которое должно квалифицироваться также и по ст. 105 УК. Таким образом, содержание субъективной стороны виновного лица при совершении захвата заложника отражает весь сложный комплекс, характеризующий взаимоотношения и взаимосвязи объекта посягательства и элементов объективной стороны.

Мотивы, лежащие в основе действий виновных при захвате заложника, в отличие от цели деятельности на квалификацию влияния не оказывают. Однако они неразрывно связаны с целями преступления и выражаются в характере действий, которые виновное лицо определяет в качестве условия освобождения заложника. В судебной практике чаще всего это преступление совершается по мотивам корысти (как это было, например, при захвате автобуса с корейскими туристами на Васильевском спуске рядом с Красной площадью в Москве), из желания избежать отбывания наказания (в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества) либо ответственности за ранее совершенное преступление и т. д.

Субъектом анализируемого преступления является вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста, которое либо захватило кого-либо в качестве заложника, либо удерживает захваченного, будучи осведомленным о целях удержания. Если одно лицо захватывает заложника, а другое его удерживает, то действия виновных квалифицируются как соисполнительство.

Квалифицированными видами захвата заложника в соответствии с ч. 2 ст. 206 УК являются: совершение группой лиц по предварительному сговору (п. «а»), с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «в»), с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «г»), в отношении заведомо несовершеннолетнего (п. «д»), в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «е»), в отношении двух или более лиц (п. «ж»), из корыстных побуждений или по найму (п. «з»). Содержание квалифицирующих признаков захвата заложника, предусмотренных п. «а», «б», аналогично содержанию соответствующих признаков терроризма. Понятие квалифицирующих признаков, предусмотренных п. «в», давалось при комментировании ст. 162 УК; а п. «е», «ж», «з» – при анализе ст. 105 УК.

Под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «в»), следует понимать использование поражающих свойств соответствующих предметов для причинения физического вреда потерпевшему, разрушения различных объектов либо в качестве средства психологического давления и устрашения потерпевших. К применению оружия приравнивается и использование взрывчатых веществ или взрывных устройств. Под предметами, используемыми в качестве оружия, следует понимать предметы хозяйственно-бытового назначения (кухонные ножи, топоры, бритвы и т. д.), а также любые иные предметы, применяемые для причинения физического вреда человеку (дубинка, палка, камень, и т. д.), вне зависимости от того, были ли они приготовлены и приспособлены заранее или нет.

Совершение преступления в отношении заведомо несовершеннолетнего (п. «д») связано с обязательным осознанием виновным лицом до начала совершения преступления того обстоятельства, что в качестве заложника выступает несовершеннолетний.

Особо квалифицированными видами захвата заложника, предусмотренными ч. 3 ст. 206 УК, являются совершение этого преступления организованной группой, причинение в результате акта терроризма по неосторожности смерти человеку или иных тяжких последствий. Характеристика этих признаков аналогична данным признакам при терроризме.

Существенное значение для стимулирования посткриминального поведения имеет примечание к ст. 206, в соответствии с которым лицо при соблюдении определенных условий освобождается от уголовной ответственности. Условиями такого освобождения являются, во-первых, освобождение заложника и, во-вторых, отсутствие в действиях лица иного состава преступления. Освобождение может быть как *добровольным*, когда виновное лицо по своей собственной инициативе принимает такое решение, так и *вынужденным*, когда освобождение происходит по требованию властей. Последнее обстоятельство является новым для данного состава преступления. Законодатель предоставляет возможность освобождения даже в случаях, когда виновные лица не раскаиваются полностью в содеянном, а принимают решение об освобождении заложников вынужденно, понимая, что иного пути для избежания уголовной ответственности в данной ситуации нет. Забота о судьбе заложников перевешивает в этом случае отсутствие раскаяния виновных лиц.

Мотивы, которыми руководствовалось виновное лицо при принятии решения об освобождении заложника, для квалификации значения не имеют. Иной состав преступления – это причинение вреда здоровью или смерти заложнику или иным лицам, предусмотренное статьями о преступлениях против личности, либо уничтожение или повреждение имущества, предусмотренное ст. 167 УК, и т. д. Если в действиях виновных лиц наличествуют составы указанных преступлений, то они освобождаются от ответственности по ст. 206, но подлежат ответственности по соответствующим статьям УК. Вместе с тем невозможно применение данного примечания в случаях, когда требования захватчиков удовлетворяются, ибо в такой ситуации их освобождение становится не просто бессмысленным, но, наоборот, незаконным и несправедливым. Такое правило сложилось в судебной практике.

Так, в постановлении по делу Р. Президиум Верховного Суда РФ отметил: «Действия Р. нельзя расценивать как “добровольные” в том смысле, как «добровольность» понимается уголовным законом, поскольку фактическое освобождение потерпевшего состоялось уже после выполнения условий, выдвинутых похитителями, когда их цель была достигнута и оказался утраченным смысл дальнейшего удержания заложника. При таких обстоятельствах Р. не может быть освобожден от уголовной ответственности на основании примечаний к ст. 126 и 206 УК РФ»⁶⁰.

По своим объективным и субъективным характеристикам захват заложника весьма схож с такими преступлениями, как похищение человека и незаконное лишение свободы. В связи с этим встает вопрос об их разграничении, а также о квалификации по совокупности. Прежде всего следует отметить, что захват заложника является разновидностью незаконного лишения свободы и похищения человека, но разновидностью более опасной и характеризующейся специфическими признаками. В качестве разграничительного признака в специальной литературе и судебной практике чаще всего указывается на отсутствие при незаконном лишении свободы и похищении человека цели воздействия на третьих лиц для выполнения этими лицами определенных требований⁶¹. Соглашаясь с таким подходом, мы вместе с тем считаем, что только

⁶⁰ Подробнее об этом см.: Комиссаров В. Захват заложника: стремление к наживе или преступление от безысходности // Законность. 1999. № 3.

⁶¹ См.: Бриллиантов В. Похищение человека или захват заложника // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 43.

этим отличие захвата заложника от названных преступлений не исчерпывается и при установлении такого отличия необходимо принимать во внимание и другие разграничительные признаки.

Во-первых, при захвате заложника виновных лиц интересует не столько личность захваченного (как при незаконном лишении свободы и похищении), сколько возможность использования его в качестве средства давления на адресата. Виновные лица не имеют личных взаимоотношений с заложником, которые бы обуславливали их соответствующие действия. Не имеют они и личных претензий к заложнику. В этом смысле личность заложника безразлична для захватчиков. В отличие от этого при незаконном лишении свободы или похищении человека виновные лица по тем или иным причинам заинтересованы в конкретной личности потерпевшего (как это бывает, например, при взыскании долга, устранении конкурента и т. п.).

Во-вторых, при похищении человека и лишении свободы виновные лица стремятся избежать огласки; информирование заинтересованных лиц (например, супруга или родственников похищенного при желании получить выкуп) осуществляется лишь в силу необходимости. При захвате заложника, наоборот, виновные стремятся к обнаружению своего умысла как в отношении его захвата или удержания, так и в отношении характера предъявляемых требований. Нередко, чтобы усилить эффект и иметь более мощный и действенный рычаг давления на адресатов требования, этим требованиям придается намеренно широкий резонанс, в том числе и путем маскировки под какие-то политические формы и высказывания.

Наконец, в-третьих, при захвате заложника виновные лица руководствуются побуждениями, вытекающими из специальной цели – понуждения к совершению или воздержанию от совершения определенных действий как условия освобождения заложника. Одновременная квалификация по ст. 206 и 126 или 127 возможна лишь при реальной совокупности преступлений, например, когда помимо заложника незаконно лишается свободы или похищается иное лицо.

Довольно часто захват заложников совершается организованными, устойчивыми вооруженными группами лиц. Подобные действия до недавних пор полностью охватывались составом бандитизма и дополнительной квалификации как захват заложника не требовали. Такое решение представляется вполне обоснованным, поскольку бандитизм является более опасным преступлением. Однако Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» указал: «Судам следует иметь в виду, что ст. 209 УК РФ, устанавливающая ответственность за создание банды, руководство и участие в ней или в совершаемых ею нападениях, не предусматривает ответственность за совершение членами банды в процессе нападения преступных действий, образующих самостоятельные составы преступлений, в связи с чем в этих случаях следует руководствоваться положениями ст. 17 УК РФ, согласно которым при совокупности преступлений лицо несет ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.